

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Историко-богословское обозрение

Все христиане, принимающие Никео–Цареградский Символ веры, исповедуют свою веру во «Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь», которая изначально живет обетованием Господа: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18) и «Се Аз с вами во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Господь заповедовал Своим ученикам и последователям, верующим в Него, быть в единстве и молился в Своей Первосвященнической молитве Отцу Небесному, «чтобы они были едино» (Ин. 17, 11); «да будут в Нас едино, да уверует мир» (Ин. 17, 21); «да будут совершены воедино, и да познает мир» (Ин. 17, 23).

Это троекратное повторение («да будут едино, чтобы уверовал мир») напоминает всем, что единство христиан является основным условием выполнения Церковью главного своего призвания на земле: благовествовать Слово Божие, свидетельствовать о Христе и вести людей ко Христу и спасению в Царствии Божию. Значит, единство – это прямая заповедь Господа всем христианам, всем верующим в Него.

Христиане не соблюли, нарушили заповедь о единстве. Профессор А. В. Карташев, выдающийся историк Церкви, профессор Свято–Сергиевского Богословского Института в Париже, последний обер–прокурор Святейшего Синода и Министр Исповеданий России, влиятельный член Собора 1917 – 1918 годов, говорит о разделениях среди христиан: «Они сами виноваты в своих разделениях и в услаждении этими разделениями. Не хватило любви христианской, и вот Церкви разделились. Само разделение есть доказательство их погрешностей по их человеческой природе. Разве это не грандиозное, соблазнительное преступление – разделение Церквей? «Разве разделился Христос?» (1 Кор. 1, 13) [[1](#)].

Исторически так сложилось, что первые и основные ереси и разделения произошли в лоне Древней Восточной Церкви (эпохи Вселенских Соборов).

Еще до Миланского эдикта (313) в период гонимой Церкви появились на Востоке движения и еретические течения, искажающие учение Церкви своими измышлениями и самовольными толкованиями Апостольского Предания:

- монтанисты (вторая половина II в.)

- гностики (II – III вв.)
- монархиане и савеллиане (III в.)

Церковь успешно боролась с этими лжеучениями и еретическими движениями и сумела их преодолеть и сохранить свою целостность и единство.

После Миланского эдикта (в период Вселенских Соборов):

- тринитарные споры (IV в.)
- ариане (I Вселенский Собор, 325 г.)
- духоборцы (II Вселенский Собор, 382 г.)
- христологические споры (IV – VI вв.)
- несториане (III Вселенский Собор 431 г.)
- монофизиты (IV Вселенский Собор, 451 г. и V Вселенский Собор 553 г.)
- монофелиты (VI Вселенский Собор, 680 – 681 гг. и ПятоШестой Трулльский Собор 692 г. (марониты))
- иконоборческие споры (VIII – IX в. и VII Вселенский Собор, 786 г.)

В результате христологических споров и вызванных ими разделений от Восточной (Византийской) имперской Церкви отделились несториане, монофизиты и монофелиты (марониты) и образовали свои национальные Церкви:

- несториане – Сиро–Персидскую (Сиро–Халдейскую) Церковь
- монофизиты – Сиро–Яковитскую Церковь, Коптскую Церковь, Эфиопскую (Абиссинскую) Церковь и Армянскую Церковь
- монофелиты – Маронитскую Церковь (в Ливане)

В образовании этих отделившихся Церквей главную роль играли не богословские, а политические, национальные и культурно–этнические факторы.

Византийские императоры и иерархия патриархатов Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима предпринимали на протяжении нескольких столетий (VI – X вв.) различные попытки и усилия и богословско–церковного характера (полемика, собеседования, переговоры и т. п.), административно–государственного порядка (лишение кафедр, ссылки, преследования, принуждения и даже политический компромисс), чтобы

возвратить отделившихся в лоно Православной Церкви.

Все усилия потерпели неудачу, ибо движущими их мотивами были те же нецерковные, небогословские факторы национально-политического характера, которые лежали в основе разделений и привели к отделению.

Эти христианские разделения на Востоке проходили во взаимной ожесточенной вражде и борьбе и проявляли стремление,

- с одной стороны, господствующей имперской идеологии любой ценой удержать, вернуть и воссоединить несогласных с Халкидонским Собором и имперской церковной политикой,
- а с другой – любой ценой самоутвердиться в сопротивлении и психологически предвзятом духовном неприятии Халкидонского Собора – вплоть до отделения от Византийской Империи и Православной (господствующей) Церкви.

Эти разделения и вызванная ими борьба и вражда имели самые трагические и плачевные последствия для исторических судеб Православия и самого христианства на Востоке. Они помогли врагам христианства разрушить Христианскую империю, покорить и подчинить себе христиан, свести цветущее и господствующее ранее на всем Востоке христианство до преследуемого, еле терпимого и медленно исчезающего меньшинства.

Сначала этим воспользовались персы, потом – арабы, после них – турки-сельджуки и турки-османы. И весь христианский Восток (Малая Азия, Сирия, Месопотамия, Ливан, Палестина, Египет, Ливия, Северная Африка, Балканы, Иллирия, Эллада, Кипр и Крит) оказался под господством ислама (арабских халифов, турецких султанов и других владык мусульманского мира), а разделившиеся и враждовавшие друг с другом христиане и их Церкви испили чашу горя и уничтожений до дна, и последствия этого ощущаются доныне.

Православные Патриархаты: Константинопольский («Вселенский» Нового Рима), Александрийский («Судия Вселенной»), Антиохийский («Всего Востока») – под арабским и турецким игом численно сократились до размеров нескольких тысяч Малых Церквей – общин, славных только своим прошлым. Константинополь – Новый (Второй) Рим – Царьград – стал турецким Стамбулом; центр православного мира – Святая София стала музеем-мечетью. Исчезло христианство в Малой Азии (Митрополит Мир Ликийских – титулярный митрополит в турецком Стамбуле («ин партибус инфидеянсум») без епархии и без храма в Мирах Ликийских). Исчезла знаменитая Карфагенская Церковь.

Патриарх великого града Александрии и вся Африка – «Тринадцатый из апостолов», «Судия Вселенной», «египетский фараон» времен Феофила и

Иоанна Златоуста – теперь скромный глава малочисленной общины греков в Александрии и Каире.

Сравнительно лучше сохранилась как живая и действующая местная христианская община – Антиохийская Церковь. Антиохийский Патриархат имел в Сирии и Ливане, в Дамаске и Бейруте арабскую паству, живые приходы, молодежь и довольно стабильные корни в народе и местной арабской культуре.

От господства ислама сильно пострадали отделившиеся от Византии и Православной Церкви (из-за неприятия Халкидонского Собора) исторические монофизитские Церкви – Коптская, Сиро-Яковитская и Армянская. Копты стали незначительным меньшинством в исламском Египте, но все же сохранили крепкую связь со своей историей, и потому Коптская Церковь – это живая, действующая Церковь.

Армяне исчезли из Малой Азии и Киликии, сохраняя компактное национальное большинство в самой Армении. Они сильны своей энергичной и богатой диаспорой во всем мире (в России, Европе, Азии и Америке).

Марониты в Ливане после крестовых походов в 1182 году соединились с Римом.

Несториане Сиро-Халдейской Церкви после периода расцвета и миссионерских успехов в Средней Азии и Монголии среди татар, турок и монголов достигли Китая и Индии (уже в IX и XIII веках у несториан были там митрополии), но преследование их со стороны ислама (особенно Тамерлана) привели Несторианскую Церковь к полному уничтожению. Часть несториан искали спасения в подчинении Риму, а часть воссоединились с Православной Русской Церковью в Урмии в 1898 году. После революции туда хлынули католические и протестантские миссионеры. Остатки несториан были истреблены курдами, а те, которым удалось спастись, живут в США и Западной Европе.

В связи с такими трагическими последствиями христианских разделений следует сказать, что Русская Православная Церковь всегда была защитницей, покровительницей и помощницей для всех Православных Церквей на Востоке (греческих и греко-говорящих, славянских, а также в одинаковой мере и для Древних Православных Восточных Церквей, не принявших Халкидонского Собора и отделившихся от общения с Православной Византийской Церковью).

Россия и Русская Церковь спасли в буквальном смысле этого слова Армению и Грузию от окончательного их уничтожения и геноцида исламом, поддерживали в Сирии, Святой Земле и Египте сиро-яковитов и коптов. Эта поддержка позволила им выжить и уцелеть как организованным поместным национальным Церквам. В XIX веке благодаря деятельности выдающегося богослова и востоковеда епископа Порфирия Успенского (1804 – 1885)

Коптская и Эфиопская Церковь были очень близки к делу воссоединения с Православием.

Христианские разделения на Православном Востоке, упорное наступление ислама, резкое сокращение и ослабление Восточных Патриархатов (Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима) имели прямым своим следствием усиление могущества и значения римского Папы, его претензий на вселенскую власть над всей Церковью («Преемник апостола Петра, князя апостолов», «наместник Христа»).

Это вызвало сопротивление Православного Востока и привело к конфликту между Патриархом Фотием и Папой Николаем I (IX век). Последующее столкновение Рима с Константинополем при Папе Льве IX и Патриархе Михаиле Керуллари (XI век) произошло из-за наступления Папы на греческое Православие в Южной Италии (замена православной юрисдикции и обрядов на латинские). Конфронтация Рима и Константинополя на сей раз завершилась окончательным разрывом отношений, общения и анафемой 1054 года.

В истории принято условно называть это событие «окончательным разделением Церквей», хотя Церковь Христова всегда была и есть Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь, и врата ада не одолеют ее, ибо с Ней и в Ней – Христос, во все дни до скончания века.

Фактически и канонически в 1054 году произошел лишь разрыв отношений, прекращение общений (и анафема) между кардиналом Гумбертом, легатом Папы Льва IX (к этому времени уже умершего и не имевшего преемника) и Патриархом Михаилом Керулларием без участия других Восточных Патриархов.

Тем не менее в силу национальной ненависти между латинянами и греками в XI – XIII веках, этот разрыв общения был воспринят обеими сторонами (и Восточной, и Западной) как факт реальной жизни, который продолжается и по сей день. Хотя «анафемы» сейчас уже «сняты» соглашением между Патриархом Афинагором и Папой Павлом VI и обеими сторонами (Римом и Константинополем) «вменены аки не бывшие».

Разрыв общения и разделение между Восточной и Западной Церквями привели к тяжелым и опасным последствиям для обеих сторон.

После разрыва с Восточной Православной Церковью папство в своем последующем развитии (особенно в экклезиологии) отошло от преданий, идеалов и заветов Древней Церкви и тем затруднило возможные усилия по достижению в будущем восстановления общения с Восточной Православной Церковью.

Одновременно с отходом от идеалов Древней Церкви средневековое папство упорно и постоянно стремилось к экспансии на Православном Востоке, чтобы

любыми средствами (по большей части с применением насилия) подчинить православных римской власти, навязав им всякого рода унии, которые в сущности своей и в конечных своих результатах приводили к замене православной веры Древней Восточной Церкви римской верой средневековой Католической Западной Церкви.

Появились так называемая Лионская уния (1274), Флорентийская (1439) и множество других уний: Брестская (1596), Ужгородская (1646), Мукачевская (1733); унии на Ближнем Православном Востоке: Армянская, Коптская, Сиро-Яковитская, Сиро-Халдейская и т.п. Униаты возникали во всех Православных Церквях и стали постоянным бедствием и угрозой для всего Православия.

Все это тяжело отразилось на отношении и чувствах православного народа к Риму и Католической Церкви, что кратко выражено в известном изречении: «Лучше турецкая чалма, чем римская тиара».

Психологический и исторический трагизм этого отчаянного, казалось бы невозможного в межхристианских отношениях, изречения является самым выразительным и суровым обличением греха разделения и разрыва общения Западной и Восточной Церквей.

Агрессивная экспансия и чрезмерные притязания средневекового папства на абсолютную и вселенскую власть над всей Церковью и над всем христианским миром не только отрицательно сказались на судьбах многострадального Православного Востока, но и имели тяжелые и судьбоносные последствия для самого папства и средневековой Католической Церкви.

Сначала экспансия средневекового папства на Западе увенчалась полным успехом. Рим стал центром, объединяющим всю Западную и Центральную Европу. Папство добивалось подчинения всей Европы «монархии святого Петра» и утверждения безраздельного господства единой католической абсолютной папской теократии. Абсолютизм и максимализм папской утопии, единой и единственной модели «Священного общества», казалось бы, восторжествовал.

Во имя этого было пролито много крови, была учреждена инквизиция, налагались интердикты и отлучения на целые народы и города. Казалось, что идеал был достигнут. Однако это была лишь декларативная и принудительная видимость. Историческая же действительность и повседневная жизнь находились в вопиющем противоречии с этими обязательными, насильственно навязанными идеалами.

Это привело к всеобщему недовольству, требованиям реформ Церкви и окончилось взрывом Реформации.

Протесты реформаторов против коррупции и злоупотреблений папской власти

и Римской курии, их горячие обличения внутреннего разложения римской иерархии, соблазн в народе, вызываемый вопиющим упадком нравственной духовной жизни приходского духовенства и монашества в Римско-Католической Церкви того времени – все эти обвинения и народное негодование были по существу справедливы, необходимы и оправданны. Было более чем достаточно причин требовать радикальных реформ в Церкви.

Естественно, это вызвало отчаянное сопротивление папства, Римской курии и иерархии. Концилиарное движение, стремящееся к реформе внутренней жизни и разложившейся системы управления в Римской Церкви, было подавлено, и попытки даже робких реформ и улучшений были отклонены.

Тогда реформаторы пошли на разрыв с Римом, с иерархией и церковной властью. Порвав всяческие отношения с иерархией, они порвали их и со всей прежней системой управления, которую считали порочной и противоречащей простоте и чистоте апостольских времен. Желая покончить со злоупотреблениями и пороками римской системы, реформаторы, к сожалению, порвали, по существу, и с Апостольским Преданием Древней Церкви, с апостольским преемством иерархии и епископата, а значит, лишились канонически поставленного и рукоположенного священства, что дало возможность сомневаться в действительности таинств и благодати в таких новых общинах.

Оправдывая свой радикальный разрыв с канонами веры и традиции Римской Церкви того времени ссылками и апелляциями к текстам и авторитету учения Священного Писания (особенно Нового Завета – Евангелий, деяний и посланий Апостольских), реформаторы стали воспринимать, понимать и толковать Священное Писание своим разумением, невзирая на то, что Священное Писание дано и принято Церковью, которая является верной хранительницей и авторитетной толковательницей Божественного Откровения в Священном Писании и Священном Предании, и что Апостольское Предание воспринято мужами апостольскими, святыми отцами и учителями Древней Церкви как незыблемая и обязывающая всех верующих основа и органическая часть Соборной Истины Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, столпа и утверждения Истины, не имущей скверны и порока или нечто от таковых, которой дано Господом право вязать и решить, учить и право править Слово Христовой Истины.

Не признавая иерархического авторитета и апостольского преемства епископата того времени и отклоняя авторитет соборного и святоотеческого Предания Древней Церкви в толковании Апостольского Предания и Священного Писания, реформация открыла и утвердила право и обязанность каждого верующего свободно и произвольно понимать, воспринимать и толковать Священное Писание, невзирая и не считаясь с вероучительным авторитетом Церкви и ее иерархии. Любой экзегет, библеист, любой пастор и профессор, любой проповедник мог считать себя непогрешимым истолкователем Божественного Откровения, мог считать, что ум и его

толкование находятся под воздействием и водительством Святого Духа, Которого Господь обещал Церкви и верующим в Него.

Это открывало дверь все новым и новым толкованиям, новым пониманиям и новым учениям, а значит, и все новым христианским разногласиям и разделением, что и стало причиной распада и разделений западного христианства.

Классическая Реформация XVI века, в Германии, Швейцарии, Франции, Голландии, Англии и Шотландии породила множество новых христианских разделений, протестантских Церквей, различных конфессиональных направлений, отделившихся друг от друга по причинам чисто историческим, национальным, культурно-этническим, необычайного разнообразия в учении и церковном устройстве. Каждая из этих Церквей, конфессий и религиозных групп имела своих основателей, учителей и организаторов, свои вероисповедные символические книги, а также свои правила устройства и поведения в жизни.

Важнейшими конфессиональными направлениями и разделениями, вызванными Реформацией и возникшими в ходе ее развития, являются:

- Реформация в Германии – Лютер (1517) и лютеранство
- Реформация в Швейцарии – Цвингли (1522) и цвинглианство
- Кальвин и кальвинизм (1536)
- Реформация (Франция и Швейцария)
- пуритане (Англия), пресвитериане и реформаторы (Шотландия – Дж. Нокс – и США)
- Реформация в Англии (1539) – англиканство
- анабаптисты (Германия), менониты (Голландия) 1630 – начало движения баптистов
- квакеры (1649) – Англия, США
- конгрегационалисты (1646) – Англия, США
- Церковь Братьев (1708) – Германия, (1729), США
- ученики Христа (1801 – 1832) – США
- методисты (1740) – Англия, США
- адвентисты (1846) – США

- Армия Спасения (1878) – Англия, США
- пятидесятники (1906 – 1907) – США, Англия

Кроме этих основных направлений протестантства, вызванных Реформацией, на Западе (в Европе и в США) возникло еще много разных, более или менее протестантского характера, деноминаций, «свободных Церквей», «пацифистских Церквей», разных организаций, групп и сект так называемых «консервативных евангеликов» (фундаменталистских по духу и агрессивному прозелитизму).

Многие возникшие в Новое время религиозные движения и организации, именующие себя иногда Церквами, хотя и употребляют христианскую терминологию и библейскую мотивацию, по существу не являются христианскими и с христианским учением совершенно расходятся. К их числу относятся мормоны, иеговисты, мунисты и т. п.

Кроме того, сейчас появилось множество так называемых «новых» религиозных групп и течений, которые довершают собой невероятную смесь и хаос в христианских разделениях.

В XIX веке в среде протестантских Церквей появилось стремление к созданию конфессиональных союзов, объединений и альянсов для укрепления своих позиций. Возникли:

- 1867 год – Ламбетская конференция англиканских Церквей, которая собирается каждые десять лет
- 1868 год – Генеральная Конференция лютеранских Церквей, которая в 1945 году преобразовалась во Всемирную Лютеранскую Федерацию
- 1877 год – Всемирный Альянс Реформатских Церквей
- 1881 год – Всемирный методистский Совет
- 1905 год – Баптистский Всемирный Альянс

Все эти конфессиональные организации протестантских Церквей не только не содействовали идее единства всех христиан в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, но, наоборот, лишь закрепляли разделение христианства на отдельные и враждебные друг другу конфессии. Ибо укрепление конфессионализма – это усиление процесса разделения христиан.

Печальный грех разделений привел к тому, что христиане (и на Востоке, и на Западе) как бы смирились и свыклись с уродливыми язвами разделенного христианства и стали жить отдельно, изолированно друг от друга, в постоянной полемике, соперничестве и вражде. В результате этого наступил упадок (кризис) веры, отход от Церкви, рост секуляризации в обществе,

распространение неверия, широкое распространение ислама, восточных мистических и оккультных движений и культов, фундаменталистских сект и разного рода парарелигиозных новых течений и групп.

В результате этого и появилось экуменическое движение, как движение христианского покаяния, обновления, возрождения и призыва к совместным усилиям по восстановлению христианского единства во исполнение заповеди Господа о единстве всех христиан в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Вначале оно появилось в англиканских и протестантских кругах на Западе (в Америке), ибо там было разделений и дроблений более всего, а позже это движение стало всемирным движением большинства христиан и их Церквей во всем мире, движением более 800 миллионов католиков, более 400 миллионов англикан и протестантов и всех Православных Церквей – всей православной канонической Полноты.

Такому повороту на Западе (в Англии и Америке) – от конфессионального самоутверждения и самодовольства в сторону покаяния и совместных поисков путей к восстановлению христианского единства в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви – во многом способствовала принципиальная позиция Православной Церкви в межхристианских отношениях и убедительное свидетельство Православия о вере и Предании Древней Церкви.

В основе отношений нашей Церкви к инославному миру лежит заповедь Христа «Да будут едино, да уверует мир» (Ин. 17, 21 – 23) и наша верность Единой Древней Церкви.

Православная Церковь всегда признавала себя в непрерывной связи с верой, жизнью и наследием Древней Церкви эпохи Семи Вселенских Соборов, являясь историческим, органическим и благодатным продолжением Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Православная Церковь не только верила в Единство Церкви, но и постоянно, ежедневно на всех своих службах молилась и молится «о благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех».

Христиане не соблюли заповедь о единстве. После отделения Западной Церкви от Восточной, в процессе дальнейших разделительных тенденций, западные христиане во многом отошли от Предания и Наследия Древней Церкви.

Сознавая себя в непрерывной связи с верой, жизнью и Преданием Древней Церкви, наша Церковь считает своим прямым и священным долгом свидетельствовать о неповрежденном Апостольском и Святоотеческом Предании разделенным христианам, чтобы помочь восстановлению их единства в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

В этом — основной смысл наших межхристианских контактов, сношений, а также нашего участия в экуменическом движении и во Всемирном Совете Церквей.

В духе такого православного понимания отношения к инославным и руководствуясь соображениями «православного экуменизма» (по выражению о. Георгия Флоровского) наша Церковь все свои межхристианские сношения и богословские беседы с отдельными неправославными братьями всегда проводила в духе братской любви, однако на основе верности и внутренней целостности нашего свидетельства о вере, жизни и Предании Древней Церкви, не смущаясь трудностями и частыми препятствиями, строго православно, но с присущей Православию «пастырской икономией, оскудевающе восполняющей».

Эта «пастырская икономия» особенно была нужна ввиду того, что исторически сложившаяся в нашем народе подозрительность к «западным еретикам» осложняла наши отношения к инославному Западу и создавала трудности нашему свидетельству.

Исторически так сложилось, что при появлении в Церкви ересей и расколов именно Вселенские и Поместные Соборы определяли истинно православное учение (догматические оросы), они объявляли ложное учение ересью, а распространителей такого учения — еретиками и в случае упорства отлучали их от Церкви, т. е. от церковного общения — Евхаристического, молитвенного и даже бытового.

После разделения Церквей (1054) Православные Церкви и их верующие стали жертвами политической и религиозной агрессии (наступлений и завоеваний) и с Востока, и с Запада: с Востока — постоянное наступление ислама (арабские завоевания, турецкое иго, татарское иго и т. д.), а с Запада — постоянно наступала Католическая Церковь (немцы, крестоносцы, поляки, уния и т. п.). Затем господство протестантско-немецкого влияния, начиная с реформ и ломки церковной жизни при Петре Великом. Этот процесс шел параллельно с отрывом аристократической, дворянской и интеллигентской верхушки от народа, с шоком, вызванным прокатолической политикой императоров Павла I и Александра I, с развитием западных атеистических и революционных симпатий и движений в русском обществе второй половины XIX и начала XX века.

Все это приводило к политической изоляции и психологической отчужденности основной массы православных верующих, страдающих от наступления на них западных влияний и западных инославных христиан. Создались бытовые и психологические предпосылки видеть в лице этих западных пришельцев людей, чуждых нашему православному укладу жизни, с которыми трудно, опасно и даже нельзя вовсе иметь общение.

В повседневной психологии простых верующих легко совершился перенос

понятия «ересь» и «еретики» (о которых они читали в житиях святых и в памятниках Древней Церкви и слышали от Церкви и духовенства во время служб и проповедей) на всех инославных (католиков и протестантов) и иноверных с Запада.

Наша Церковь и наши богословы остались верны определениям Вселенских Соборов и принятым Церковью Поместных Соборов, что «еретики» – это только носители и распространители лжеучений, которые как «ереси», осуждены Вселенскими Соборами и отлучены от Церкви.

Католики отпали от общения с Православной Церковью, но не были осуждены соборно как еретики, хотя у них неправильная, с нашей точки зрения, экклезиология (и филиокве).

Англиканы и протестанты явились продуктом Реформации; никогда в общении с Православной Церковью они не были осуждены ни Вселенскими, ни Поместными Соборами, и каноны Древней и Византийской Церквей не имели их в виду, когда издавались, хотя и в догматике, и в экклезиологии, и в основах канонического устройства они во многом заблуждаются по сравнению с верой, Преданием и наследием Древней Церкви. Однако еретиками Церковь соборно и официально их не объявляла.

Официально и канонически они заблуждающиеся в вере наши братья во Христе, братья по единству в крещении и по их сопричастности Телу Христову (т. е. Церкви как Телу Христову) вследствие крещения, действительность которого у них как Таинства мы признаем. Это наши отделенные братья, которым мы свидетельствуем Истину Святого Православия, Предание и неповрежденную веру Древней Церкви, продолжением которой является Православная Церковь.

В духе такого православного понимания отношения к западным христианам и руководствуясь такими соображениями «православного» экуменизма и православного свидетельства наша Церковь уже в XIX веке (и в начале XX) вела очень серьезные переговоры и сношения с англиканами (епископатами), старокатоликами и восточными дохалкидонитами о единстве и восстановлении общения. Результаты были очень обнадеживающие. Отец Георгий Флоровский написал даже специальное исследование о «православном экуменизме» нашей Церкви в XIX – XX веках. В нем он показал, что все внешние церковные и межцерковные сношения и переговоры нашей Церкви того времени были проявлением православного экуменизма и православного свидетельства [[12](#)].

Богословские и исторические основания, которыми руководствовалась Русская Православная Церковь в своих экуменических отношениях и переговорах с инославными Церквями Запада уже в XIX веке, засвидетельствованы в богатой литературе по этим вопросам, в многочисленных заявлениях, материалах и документах того времени.

К примеру, можно упомянуть авторитетное для всей Церкви учение святителя Филарета («великого Филарета», по выражению проф. В. Н. Лосского), в то время митрополита Московского, а ныне причисленного Церковью к сонму прославленных Святителей Московских и всея Руси. Здесь имеются в виду его знаменитые «Разговоры между испытующим и уверенным в православии Греко-Российской Церкви» (1815 – 1832). Говоря об инославных и неправославных христианах, святитель Филарет учит: «Христианин – это член Тела Церкви Христовой, т.е. тот, кто получил таинство крещения, признаваемое Ею действительным, хотя бы оно и было совершено в отделившемся от Нее, но не еретическом обществе. Как член естественного тела никогда не перестает быть членом – разве только через окончательное отсечение и совершенную смерть, так человек, облекшийся в крещении во Христа, никогда не перестает быть членом Тела Христова – разве только через безвозвратное отпадение от Церкви Христовой и вечную смерть» [3].

Тело Христово, согласно учению святителя Филарета, составляется из верующих всех времен и мест [4].

Разделение христианства вызвало образование существующих отдельно от Православной Церкви «разномыслящих от Нее Церквей» [5], которые, однако, отнюдь не обязательно являются «ложными» Церквями, уже не имеющими никакого отношения к Телу Христову, каковым является Церковь Вселенская Православная. «Никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложной. Христианская Церковь может быть только либо чисто истинной, исповедующей истинное и спасительное Божественное учение без примешения ложных и вредных мнений человеческих, либо нечисто истинной, примешивающей к истинному и спасительному веры Христовой учению ложные и вредные мнения человеческие» [6].

Церковь не Православная, но и не ложная, принадлежит, очевидно, к Телу Христову по своей природе, как его отделившаяся часть, сохраняющая в себе в какой-то мере жизненные силы, от него заимствованные.

По учению святителя Филарета, «одесную часть» нынешнего христианства составляет «Восточная его половина», или, что то же, «Святая Восточная Церковь» [7]. Другая же половина нынешнего христианства – это «разномыслящие Церкви», или «западные» христиане, и в их числе Западная Церковь [8], или «Церковь Римская» [9].

Сказав о «двух половинах нынешнего христианства», святитель решительно заявляет: «Изъявленное мною справедливое уважение к учению Восточной Церкви никак не простирается до суда и осуждения западных христиан и Западной Церкви» [10].

Святитель утверждает: как Восточная, так и Западная Церковь «равно суть от Бога», поскольку «они имеют один общий дух, который от Бога есть» [11].

Дух Восточной Церкви соответствует духу Христову, ведет ее чад к соединению с духом Христовым, и притом ведет «прямым и верным путем» [[12](#)].

Таким образом, чисто истинную Церковь святитель видит в Восточной половине христианства. Что же касается Западной половины христианства, то в рассуждении о ней он проявляет определенную терпимость, кротость и мудрую осторожность. «Вера и любовь, — говорит он, — возбуждает меня к ревности по Святой Восточной Церкви; любовь, смирение и надежда научают терпимости к разномыслящим» [[13](#)].

Богословские и исторические основания экуменических отношений нашей Церкви к инославному миру и инославным Церквам особенно проявились также, к примеру, и в ходе плодотворных богословских переговоров и беседований со старокатоликами о восстановлении общения с ними, как частью Древней Западной Церкви.

Для ведения переговоров Святейший Правительствующий Синод Русской Церкви образовал представительную и сильную Богословскую Комиссию из выдающихся иерархов и богословов Русской Церкви во главе с председателем — архиепископом Финляндским и Выборгским, затем митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским). Старокатолики со своей стороны образовали представительную и авторитетную Комиссию из епископов и богословов. Обе комиссии работали более 20 лет (1892 — 1914).

Кроме того, серьезные переговоры всегда имели место на всех старокатолических конгрессах и конференциях, в которых неизменно участвовали русские богословы и церковные деятели. В истории обе эти комиссии (православная и старокатолическая) известны под одним названием Петербургско-Роттердамской комиссии.

Очень много для укрепления такого православного экуменизма и для успеха богословского сближения со старокатоликами, а значит, и для приближения христианского единства сделал профессор В. В. Болотов. Весьма правильно оценил значение В. В. Болотова в этом деле профессор протоиерей Ливерий Воронов, отметив, что «профессор В. В. Болотов твердо придерживался позиции православного экуменизма... Каждое ученое исследование этого корифея русской православной богословской науки имеет свою цель убраться какой-нибудь камень, лежащий на пути к восстановлению христианского единства» [[14](#)].

В. В. Болотов участвовал в работах Петербургской комиссии и изложил собственные взгляды в своих прославленных «Тезисах о филиокве» [[15](#)]. Они имеют громадное и решающее значение в истории споров о «Филиокве» и являются образцом научной точности, патристической эрудиции и объективности в методологии церковно-исторических и богословских

исследований, особенно связанных с вопросами, по которым нет согласия между Православием и инославными исповеданиями.

В. В. Болотов установил и обосновал четкое различие между догматом, теологуменами и богословскими мнениями (школьными, частными, личными).

По утверждению В. В. Болотова относительно того, что такое догмат, не должно быть никакого разногласия. Теологумен же – это богословское мнение святых отцов Единой Неразделенной Церкви.

Содержание догмата истинно, и это истина веры.

Содержание теологуменов только вероятное.

Область догматов обязательна для всех (*necessario*).

Область теологуменов – это область вероятностей, требующих к себе внимания и уважения, но это все же область, подлежащая рассмотрению и обсуждению.

Отсюда заключение: в догматах необходимо единство (*in necessariis unitas*), в теологуменах – свобода выбора и принятия (*in dubiis libertas*).

По В. В. Болотову, общее правило для всех таково: «Если этого теологумена не держусь я сам, я все же не вправе осуждать тех, которые ему следуют. И если в силу обстоятельств я буду вынужден на обсуждение этого теологумена, и тогда я буду держать себя почтительно, с благоговением, подобающим авторитету святых отцов» [[16](#)].

Применяя это общее для всех правило разграничения догмата и теологумена к различиям в понимании характера «Филиокве» между Востоком и Западом, В. В. Болотов после тщательного анализа всего богословского патристического наследия пришел к решающим для дискуссии со старокатоликами выводам, которые сформулировал с математически-логической точностью в своих знаменитых 27 тезисах о «Филиокве». Из них можно привести для примера следующие:

Тезис 20 – «Многие Западные, проповедовавшие «Филиокве» своим паствам, ни с чьей стороны не встречали возражения, жили и умирали в общении с Восточной Церковью».

Тезис 23 – «Если Западные на VI и VII Вселенских Соборах своего «Филиокве» Восточным не предъявляли, то и Восточные не ставили им вопросов об этом для окончательного разъяснения недоумений».

Тезис 25 – «Фотий и его преемники имели общение с Западной Церковью, не получив (и, видимо, не требуя) от нее Соборного отречения (в «прямых словах») от «Филиокве».

Тезис 26 – «Не вопрос о «Филиокве» вызвал «разделение между Церквами».

Тезис 27 – «Следовательно, «Филиокве», как богословское частное мнение не может считаться «непреодолимым препятствием» для восстановления общения между Восточной Православной и Старокатолической Церквами (т. е. Восточной и Западной)».

В 1902 и 1904 годах Константинопольский Патриарх Иоаким обращался ко всем Православным Церквам с двумя посланиями (Энцикликами), где вопрошал о их отношении к разным христианским исповеданиям и Церквам, в том числе и к старокатоликам. Ответы Русской Церкви (от 1903 и 1905 годов) представляли собой солидные богословские доклады в весьма положительном и конструктивном духе (фрагменты посланий публикуются в данном издании).

Комиссии не были распущены. Петербургская комиссия продолжала существовать и заниматься старокатолическими и англиканскими вопросами.

7 января 1910 года Синод своим Указом напомнил Комиссии о необходимости продолжать работы и запросил ее мнение об ответе старокатоликов.

При сопоставлении тезисов Петербургской комиссии с замечаниями Роттердамской комиссии оказалось, что Церкви Православная и Старокатолическая:

а) единомысленны в исповедании догмата о Святом Духе;

б) признают друг за другом условную свободу богословских мнений, и это не должно быть основанием для церковного разобщения и отлучения друг от друга.

В докладе отмечалось, что при наличии взаимного понимания степень такого единомыслия может быть признана достаточной для решения вопроса о взаимном сближении и желательном объединении.

Комиссия выразила пожелание, чтобы Святейший Синод нашел благовременным «подвинуть хотя бы на шаг разрешение сорокалетнего вопроса о воссоединении старокатоликов – не еретиков, а лишь, по невинному своему несчастью, раскольников с Православною Церковью Восточной» [[17](#)].

По смыслу этого последнего ответа (доклада) Петербургской Богословской комиссии, одобренного Синодом (от 1913 года), перспектива успешного завершения переговоров со старокатоликами становилась вопросом недалекого будущего, так как между старокатолической и православной сторонами не было каких-либо спорных вопросов.

Оставался нерешенным и очень трудно поддающимся решению вопрос о форме и структуре канонических действий для восстановления и

осуществления евхаристического и канонического общения и единства в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, исторически и зримо существующей здесь, на Земле, в данных условиях, в данном месте и в данное время.

Переговоры со старокатоликами шли достаточно успешно. Они подтвердили восприятие и исповедание старокатоликами догматического учения и Предания Древней Церкви Востока и Запада – эпохи Семи Вселенских Соборов (до разделения), когда Западная Церковь была в полном союзе и общении с Древней Церковью на Востоке.

Из этого для старокатоликов, по мнению епископа Ямбургского Сергия (Страгородского), ректора Санкт–Петербургской духовной академии, следовал конкретный вывод: им необходимо завершить свои усилия по восстановлению общения и единства по образцу их Древней Западной Церкви через вхождение в общение и единство с Православной Церковью, которая сохранила веру, учение, Предание и жизнь Древней Единой Церкви (до разделения) и которая является исторически и канонически продолжением этой Единой Церкви для Востока и Запада, а потому для старокатоликов вхождение в общение и единство с Православной Церковью будет вхождением в общение и единство жизни в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

История подтверждает, что братская любовь, пастырская икономия и православное свидетельство свойственны духу православного экуменизма XIX и XX веков и были характерными чертами в межхристианских контактах и сношениях нашей Церкви в ее отношении к инославным и их Церквам в XIX и XX веках.

Такое отношение к инославию ничего общего не имеет с фанатизмом и чуждо какой-либо ненависти к инославию; любой представитель инославия, как бы далек он ни был от Церкви, всегда остается для истинно православного христианина «предметом духовного попечения». Надо признавать и ценить даже малейшие крупитцы истины в инославии, радоваться всему хорошему и истинному в нем. Это заветы и наказ всего исторического развития нашей Церкви в XIX – начале XX века, обязательные для всех нас в межхристианских сношениях и в отношении к инославию, экуменическому движению и Всемирному Совету Церквей.

Все это священное великое прошлое нашего православного экуменизма и православного свидетельства в мудрых действиях наших Святителей и во всесторонних трудах и изысканиях богословов и учителей напоминает нам сейчас о наших обязанностях и ответственности словами апостола Павла: «Блюдайте убо, яко опасно ходите... яко дние лукави суть» («Итак, смотрите, поступайте осторожно... потому что дни лукавы» (Еф. 5, 15 – 16)).

Для нашей Церкви «дни лукавые» начались с Первой мировой войны и

революции 1917 – 18 годов. Официальные переговоры с англиканами и старокатоликами прервались перед первой мировой войной, но к этому времени уже возникло экуменическое движение «Вера и церковное устройство», в сотрудничестве с которым православный экуменизм Русской Церкви участием ее выдающихся зарубежных представителей продолжал свое дальнейшее развитие.

Поскольку наша Церковь в целом насильственным образом была изолирована от всего христианского мира, то проявление инициатив в развитии православного экуменизма и участия в экуменическом движении отошло к грекам во главе с Константинополем и к Сербской, Румынской и Болгарской Церквам, а также к активно и успешно в этом участвующей нашей русской церковной и богословской диаспоре на Западе Европы и в Америке (Свято–Сергиевский Богословский Институт в Париже и др.).

Когда в начале XX века возникло экуменическое движение «Вера и церковное устройство», имеющее своей задачей содействовать совместным усилиям христианских богословов и христианских Церквей в поисках путей и методов христианского примирения и сближения с конечной целью достижения христианского единства и восстановления единства разделенных христиан в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви (согласно заповеди Христа о единстве), для нашей Церкви это не было чем-то новым и неожиданным.

У нас уже были своя традиция православного экуменизма и опыт переговоров с англиканами, старокатоликами и дохалкидонитами. Широко известны были также по своему содержанию и направлению экуменические ответы нашего Святейшего Правительствующего Синода на экуменические послания (энциклики) Константинопольского Патриарха Иоакима (от 1902 и 1904 годов).

Ведущая роль нашей Церкви в вопросах христианского единства была известна в христианском мире в XIX веке и начале XX, и поэтому зачинатели движения «Вера и церковное устройство» сразу же, в начале XX века вступили в сношение с Русской Церковью. И надежды их оправдались. Вполне естественно (учитывая опыт нашего православного экуменизма в XIX веке), что реакция на появление движения «Вера и церковное устройство» и на его стремление к восстановлению единства со стороны нашей Церкви была положительной и благожелательной с самого начала. Можно даже сказать, что Русская Церковь стояла у истоков этого движения в лице своих иерархов – епископа Тихона, будущего Патриарха, ныне прославленного Церковью как Всероссийского Святителя и исповедника, и архиепископа Платона (Рождественского), преемника владыки Тихона по кафедре в Америке.

В октябре 1910 года по предложению Епископальной Церкви в США была создана комиссия по подготовке Всемирной конференции по вопросам «Веры и церковного устройства» (епископ Чарльз Brent, епископ Чикаго К. П. Андерсон и Роберт Гардинер – основатели и лидеры движения). На первом же заседании комиссии (май 1913 года) в Нью-Йорке участвовал

протоиерей Александр Хотовицкий – будущий член Московского Собора 1917 – 1918 годов и мученик за веру, как представитель архиепископа Платона (Рождественского), преемника по кафедре в США Патриарха Тихона. Протоиерей А. Хотовицкий произнес там речь, в которой обещал полную поддержку движению «Вера и церковное устройство» (речь в архиве ВСЦ: Faith and Orders Pamphlets. № 24. P. 46).

На заседании с участием прот. А. Хотовицкого была принята резолюция о создании исполнительного комитета и совещательного комитетов по созыву всемирной конференции «Вера и Церковное Устройство». Комиссия, исходя из такой активной поддержки экуменического движения Русской Церковью, решила послать делегацию в Россию для представления плана «Веры и церковного устройства» Святейшему Правительствующему Синоду в Петербурге. Помешала этому вспыхнувшая война 1914 года.

Архиепископ Платон, уезжая в Россию с прот. А. Хотовицким, на прощальном богослужении и торжественных проводах (1914) в Свято-Николаевском соборе Нью-Йорка еще раз подтвердил в своей речи епископу Епископальной Церкви Вильяму Маннингу о поддержке экуменического движения «Вера и церковное устройство».

В 1914 году велась оживленная переписка комиссии с русскими богословами С. В. Троицким, Н. Н. Глубоковским, профессором В. Экземплярским, Н. М. Лодыженским и др. Епископ Вильям Маннинг писал об этом митрополиту Петербургскому Владимиру, архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) и обер-прокурору Синода В. К. Саблеру в 1915 году.

Положительные статьи о движении «Вера и церковное устройство» публиковались у нас в 1916 году в официальном органе Синода «Церковном вестнике» (две статьи проф. С. В. Троицкого 4 и 11 апреля 1915 г.). Интересной была статья в киевской «Христианской мысли».

Особую позицию среди русских богословов заняли архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и профессор Московской духовной Академии архимандрит (позже архиепископ) Иларион Троицкий. Приглашенный на экуменическую конференцию архиепископ Антоний заявил, что вне Православной Церкви нет благодати, что даже правильная вера (даже если она будет вполне православной) не спасает. Спасает только пребывание в Церкви. Однако он выразил искреннее желание принять участие в конференции и считал, что православная делегация должна начать богословский диалог с конференцией. Возникла серьезная богословская переписка с экуменическими деятелями. Позицию архиепископа Антония поддержал архимандрит Иларион Троицкий. Однако это не было официальной позицией Русской Церкви и ее Святейшего Правительствующего Синода. Крайности этих взглядов не разделяли многие наши богословы и иерархи (в частности, проф. Н. Н. Глубоковский, проф. В. И. Экземплярский, проф. С. В. Троицкий, архиепископ Тихон (Белавин), будущий Патриарх и Святитель

Русской Церкви и митрополит Петроградский Вениамин (священномученик). Материалы (переписка) этой дискуссии опубликованы в журнале «Вера и разум» за 1915 и 1916 годы в «Богословском вестнике» – январь 1917 года, и в «Церковных ведомостях», 1915, № 14 – 15.

10 июня 1915 года прибыл в Нью-Йорк преемник архиепископа Платона архиепископ Евдоким. При встрече его в Свято-Николаевском кафедральном соборе он в присутствии представителей американских Церквей особенно подчеркнул необходимость совместного поиска единства всех Церквей и заявил, что он будет продолжать в Америке дело единства в духе архиепископов Тихона и Платона, своих предшественников здесь от Русской Православной Церкви.

В июне–июле 1917 году д-р Джон Мотт (один из ведущих лидеров экуменического движения) во главе делегации представителей различных слоев американского общества посетил Россию. Он присутствовал на избрании архиепископа Тихона митрополитом Московским, был принят им и имел долгую сердечную беседу; затем его принял обер-прокурор Синода Владимир Львов, с которым он имел несколько продолжительных бесед, присутствовал по приглашению на заседании Святейшего Правительствующего Синода и получил от обер-прокурора письмо с заверениями поддержки движения «Вера и церковное устройство» и будущего участия в ее конференции представителей Русской Православной Церкви.

В августе 1917 года Архиепископ Евдоким, уезжая в Россию на Собор, обратился с письмом к руководству Епископальной Церкви в Америке с заверениями о поддержке задач конференции «Вера и церковное устройство» в России.

В марте 1918 года как секретарь комиссии «Веры и церковного устройства» Роберт Гардинер получил из России ряд приветствий от «русских друзей» движения, в том числе и письмо Святейшего Патриарха Тихона с его заверениями о поддержке идеи «недели молитв» за единство всех христиан с призыванием благословения Спасителя на это дело. (Materials-Union Theological Seminary. New York, известие из архивов Всемирного Совета Церквей. Материалы переписки Роберта Гардинера – 230-014, F-14.).

Молитвы о единстве и о помощи Божией в сближении и воссоединении разделенных Церквей, ведущих богословский диалог и переговоры о соединении, совершались и при особо торжественных и важных межцерковных событиях, официальных взаимных посещениях делегациями Церквей друг друга и т. п.

Так было в Лондоне, когда делегация Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Финляндским и Выборгским Антонием (Вадковским) в 1898 году молилась (т. е. присутствовала) на торжественных богослужениях Церкви Англии в связи с юбилеем королевы Виктории. Так было, когда в начале XX

века епископ Американской Епископальной Церкви Графтон в сопровождении известного деятеля по англиканско–православному сближению Джона Биркбека приехал в Россию, чтобы ускорить переговоры об объединении, имел множество бесед с русскими богословами и был принят митрополитом Антонием (Вадковским) и великим праведником, провидцем нашей Церкви протоиереем Иоанном Кронштадтским.

И так было, когда в 1912 году официальная делегация Церкви Англии во главе с епископом Векфильским д-ром Д. Иденом (группа епископов и священников) посетила Русскую Церковь (в Петербурге и в Москве).

Продолжая и развивая традиции и опыт «православного экуменизма» XIX века, Всероссийский Собор 1917 – 1918 годов образовал в своем составе особый «Отдел по соединению Церквей», в первую очередь для соединения англикан и старокатоликов с Православной Церковью с конечной целью содействия достижению единства всех христиан на основе веры и Предания Единой Древней Церкви.

В духе соборного понимания необходимости достижения христианского единства Патриарх Тихон ответил и на обращение к нему секретаря комиссии «Вера и церковное устройство» Роберта Гардинера (март 1918 года) относительно «Недели молитв о христианском единстве»: «Я буду всегда в указанное вами время ревностно молиться об объединении всех христиан. В настоящее беспокойное время, когда враги Христовы воинствуют против Него с особым рвением, теперь особенно необходимо для нас, верных друг другу друзей, объединиться как можно ближе для защиты христианской веры. Призываю на вас благословение нашего Спасителя» (Materials – Union Theological Seminary, из архивов ВСЦ. Материалы переписки Роберта Гардинера – 230–014, F-17).

Об этом же говорится и в послании Патриарха Тихона от имени Собора председателю комиссии «Вера и церковное устройство» (епископу К. Андерсону) в ответ на приветствие Собору. Собор «призывает всех христиан объединиться в горячих молитвах с Русской Церковью в ее борьбе против врагов Христа и религии». При этом Патриарх посылает благословение комиссии по созыву всемирной конференции «Вера и церковное устройство».

Получив это послание Собора, комиссия «Вера и церковное устройство» постановила подготовить особое послание Патриарху Тихону о том, что она будет особенно молиться о Русской Церкви в солидарности с ее страданиями и в христианском единстве с нею (Архив ВСЦ, апрель 1918, протоколы комиссии).

Молитвы, солидарность и единство всех христиан особенно нужны были Русской Церкви тогда, после революции 1917 года, когда начался трагический период ее истории.

Сознавая это, Всероссийский Собор на своем последнем заседании 7/20 сентября 1918 года утвердил постановление «Отдела по соединению Церквей» (материалы публикуются в данном издании).

В связи с постановлениями Собора следует отметить, что вопрос о соединении Церквей впервые в истории межцерковных отношений в XX века был поставлен на таком высоком (самом высоком) уровне, как Собор Церкви (в данном случае Русской Церкви), и при этом по времени на год раньше экуменической инициативы Натана Седерблома (знаменитого шведского архиепископа, зачинателя экуменического движения «Жизнь и деятельность»), на три года раньше Константинопольской Энциклики 1920 года и на 44 года раньше II Ватиканского Собора (1962).

Постановление Собора от 20 сентября 1918 года было последним деянием Собора перед его концом. Это было последнее слово Собора: благословение всем тем, кто трудится для приближения христианского единства; благословение на дело единства.

Ради этого Собор поручил Священному Синоду создать постоянный при нем орган; то, что тогда называлось на Соборе «Отдел по соединению Церквей», а при Синоде должна быть «постоянная комиссия» с отделениями в России и за границей, теперь называется «Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата».

Претворению этого постановления Собора в жизнь, как и всего прочего, что было решено и намечено Собором, помешала атеистическая власть, гражданская война, церковная смута и изоляция Церкви от внешнего мира.

Когда кончилась первая мировая война, экуменическая делегация Епископальной Церкви Америки в 1919 году посетила Православные Церкви Востока и Балкан (Афины, Константинополь, Белград) и получила от Элладской, Константинопольской и Сербской Церквей официальные заверения в поддержке этими Церквами экуменического движения и об их участии в будущей всемирной конференции «Вера и церковное устройство». В Константинополе прошла встреча делегации с архиепископом Херсонским и Одесским Платоном (раньше он был в Америке), который отметил, что Русская Церковь находится теперь (в 1919 г.) в очень тяжелом положении, но когда оно улучшится и нормализуется, то Русская Церковь, без всякого сомнения, будет представлена на Всемирной конференции «Вера и церковное устройство».

Несмотря на чрезвычайные трудности, наша Церковь участвовала во всех важнейших экуменических конференциях (1920, 1925, 1927 и 1937 годов). Участвовали ее представители (иерархи и богословы) не из Советского Союза, а из числа русской диаспоры, находившейся на Западе.

12 – 20 августа 1920 года в Женеве состоялась первая конференция

(организационная) «Вера и церковное устройство», в которой участвовали представители Православных Церквей Константинополя, Александрии, России, Сербии, Румынии, Болгарии и Греции. От Русской Православной Церкви был архиепископ Евлогий (Георгиевский, 1868–1946), бывший Волынский, в марте 1921 года назначенный Святейшим Патриархом Тихоном управляющим русскими приходами в Западной Европе, протоиерей Сергей Орлов, диакон Димитрий Поповицкий и мирянин Михаил Бибииков, бывший русский консул в Женеве.

Делегаты Православных Церквей собрались в женеvской гостинице «Россия», обсудили все вопросы конференции и выработали Меморандум, где изложили взгляды, надежды и требования Православных Церквей в их участии в движении «Вера и церковное устройство». В архивах Всемирного Совета Церквей сохранилось описание этой конференции, сделанное ее участником сербским епископом Тимокским Эмилианом Пиперковичем (Гласник. 1920. № 67. На серб. яз.).

По приглашению архиепископа (позже митрополита) Евлогия конференция, заключая свою работу, собралась в день праздника Преображения Господня на торжественное богослужение в русском Крестовоздвиженском храме в Женеве. Служили все православные епископы и духовенство, участвовавшие в конференции. Проповедь о необходимости единства сказал митрополит Селевкийский Герман (Вселенская Патриархия). Председатель конференции епископ Чарльз Brent в трогательных словах выразил чувства всех участников конференции: «Мы собрались здесь в последний день конференции вместе в этот праздник Преображения по приглашению в русском православном храме на торжественную Божественную литургию молиться – и мы молились... Мы, западные, нуждаемся в неопиcуемой красоте богослужений Восточной Церкви. Божественная (Божия) красота наполняла храм. Мы чувствовали, что мы восхищены, как в книге Откровения (21, 21), до жемчужных ворот (Нового Иерусалима Божиего), и мы вышли из храма с благословенным хлебом (просфоры) и виноградом в наших руках, и благодатная радость наполнила наши души». Епископ Чарльз Brent окончил заверением, что западным христианам следует внимательно относиться к предложениям православных, ибо они весьма ценны своим содержанием и направлены на сотрудничество в созидании сообщества. (Высказывания епископа Чарльза Brentа даются выборочно в пересказе с английского текста [[18](#)]).

Таким образом, идея молитв о христианском единстве была воспринята Православными Церквями как одна из форм их свидетельства о вере, таинствах и богослужении Древней Церкви пред их западными братьями по экуменическому диалогу и сотрудничеству, когда красота, великолепие и благодатная сила православного богослужения касались их души и наполняли их чувством духовного катарсиса и благоговения (как это было в Женеве в 1920 году в нашем храме за Божественной литургией в праздник Преображения Господня).

В 1920 году появилась энциклика – окружное послание Вселенской Патриархии ко всем христианским Церквам с предложением и обоснованиями необходимости создания Лиги Церквей – содружества всех христианских Церквей для взаимной помощи, сотрудничества и достижения единства. Название предлагаемой организации было заимствовано от Лиги Наций, созданной после первой мировой войны, но цели были церковные – ради блага Церквей и их единства пред лицом внешнего и враждебного Церкви мира. Константинополь действовал от лица всех Православных Церквей (Александрии, Антиохии, Иерусалима, Сербии, Румынии, Болгарии, Кипра и Греции). И все они поддержали эту экуменическую инициативу Константинополя. Русская Церковь еще раньше положительно отнеслась к экуменическому движению «Вера и церковное устройство».

Межконфессиональные конференции стали для православных местом их свидетельства о единстве и вере Древней Церкви. Так было и в 1925 году, когда по случаю 1600-летия Первого Вселенского (Никейского) Собора (325) в Лондоне происходили торжества с участием Патриархов Александрийского, Иерусалимского и многих других видных иерархов Православных Церквей (Константинопольской, Русской (Владыка Евлогий), Сербской, Румынской, Болгарской и Элладской), когда все участники торжеств (и западные, и православные) «едиными усты и единым сердцем» исповедовали свою веру, произнеся громко и все вместе Никео-Цареградский Символ веры в его подлинном тексте (381) (без «филиокве»).

Так было на всех больших экуменических конференциях (Стокгольм – 1925, Лозанна – 1927, Эдинбург – 1936, Оксфорд – 1937) с участием делегаций Православных Церквей (даже Патриархов Александрии, Антиохии и других видных православных иерархов и богословов), когда имело место православное свидетельство и словом в богословских дискуссиях, и молитвой в православных богослужениях.

Митрополит Евлогий, как представитель Русской Церкви, участвовал и в заседаниях Всемирной конференции «Вера и церковное устройство» в 1927 года, в Лозанне.

Представители Русской Православной Церкви из СССР не могли в тот период участвовать в экуменическом движении ввиду ее изоляции от внешнего мира.

Однако все свободные Православные Церкви (в том числе и все русские богословы, находящиеся вне России) принимали самое активное участие в экуменическом движении и на всех конференциях после Лозанны.

В Лозаннской конференции, кроме митрополита Евлогия участвовали русские богословы о. Сергей Булгаков, проф. Н. Н. Глубоковский, проф. Н. С. Арсеньев, митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) и прот. Туркевич (Польша).

Кроме русских были 22 делегата от Православных Церквей – иерархи и

богословы. Главой православной делегации являлся Экзарх Вселенской Патриархии митрополит Фиатирский Герман; от Александрии – митрополит Леонтопольский и митрополит Нубийский; от Церкви Греции – митрополит Неопактский и три профессора богословия Афинского университета; от Церкви Кипрской – профессор богословия; от Румынии – митрополит Черновицкий; от Церкви Сербской – епископ Ириней Новосадский (богослов); от Церкви Болгарской – известный богослов и профессор Софийского университета протопресвитер Стефан Цанков.

Профессор Н. Н. Глубоковский и проф. Н. С. Арсеньев участвовали в подготовке Стокгольмской Конференции 1925 года («Жизнь и Деятельность»).

В 1937 году в Англии проходили две всемирные конференции экуменического движения: в Оксфорде – «Жизнь и Деятельность» и в Эдинбурге – «Вера и церковное устройство». В работах этих конференций участвовали свыше 50 представителей всех Православных Церквей (иерархи и богословы). Православную Россию и русское богословие представляли – митрополит Евлогий, о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, проф. Н. Н. Глубоковский, о. Георгий Флоровский, о. Василий Зеньковский (тогда еще профессор Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже), проф. Н. С. Арсеньев, проф. В. А. Карташев, проф. В. Вышеславцев, Н. М. Зернов, Л. А. Зандер, проф. Г. П. Федотов, проф. Н. Алексеев.

Активное участие в экуменическом движении принимали и другие зарубежные русские богословы и мыслители: владыка митрополит Антоний (Блум), архиепископ Василий (Кривошеин), великий знаток учения святых отцов (особенно Симеона Нового Богослова); владыка Кассиан (Безобразов), ректор Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже; проф. Л. П. Карсавин; протопресвитер А. Шмеман, ректор Свято-Владимирской Академии в Нью-Йорке; о. Иоанн Мейендорф, специалист по святоотеческому византийскому богословию (особенно по св. Григорию Паламе); о. Алексей Князев, ректор Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже; проф. Н. П. Струве (директор издательства ИМКА-ПРЕСС); проф. В. Н. Лосский (сын Н. О. Лосского); архимандрит Киприан Керн; о. Александр Туринцев; о. Всеволод Палашковский; мать Мария, мученица и исповедница Православия (Скобцова) и др.

Особенно активно участвовал в экуменическом движении о. Георгий Флоровский, более 50 лет своей жизни (1926 – 1979) посвятивший служению единения христиан. Он был участником всех экуменических конференций, членом комиссии «Вера и церковное устройство», членом Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей. Кто знает его жизнь и богословские труды (в их числе – фундаментальный труд по синтезу богословского развития Русской Церкви «Пути русского богословия»), тот поймет, что о. Георгий был строго православным, консервативным богословом, знатоком и последователем святоотеческого богословия, менее всего склонным к либерализму и модернизму. И тем не менее, исходя именно из таких своих

строго православных убеждений, он был сознательным и последовательным участником экуменического движения. Свои взгляды на проблематику экуменического движения он высказывал много раз, особенно в приложении к журналу «Путь» за 1933 год (№ 37, февраль, – «Проблематика христианского воссоединения»).

Все наиболее выдающиеся богословы и мыслители русского православного рассеяния (диаспоры) на Западе были подлинными отцами и учителями православного экуменизма и правильного его понимания. Они все подготовили и обосновали участие Русской Православной Церкви в экуменическом движении.

Достаточно для примера сослаться на сборник статей: «Христианское воссоединение – экуменическая проблема в православном сознании» (Париж: ИМКА–ПРЕСС, 1933) со статьями о. Сергия Булгакова, архиепископа Гелиопольского Геннадия (Константинополь), митрополита Буковины Нектария (Румыния), Н. А. Бердяева, проф. А. В. Карташева, протопресвитера проф. Стефана Цанкова (Болгария), проф. Г. Аливизатоса (Афины, Греция), проф. В. В. Зеньковского (автора фундаментальной «Истории Русской философии»). Как видим, в экуменическом движении с самого начала участвовали Православные Церкви, их иерархи и богословы, и их вклад в развитие и становление этого движения очень существен.

Мало того, даже идея и проект создания Всемирного Совета Церквей ведут свое начало от экуменического послания Константинопольского Патриархата в 1920 году.

Таким образом, в числе первых основателей Всемирного Совета Церквей были Православные Церкви (Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Сербия, Румыния, Болгария, Кипр, Греция и православное русское рассеяние на Западе).

Как уже отмечалось, Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) не могла после октября 1917 года направлять своих представителей за пределы Советской России, затем СССР, для участия в межправославных и межцерковных связях, в том числе и в экуменическом движении по причине своей полной гражданской и фактической изоляции. Однако активное участие в дальнейшей работе движения «Вера и церковное устройство» и в развитии экуменического движения принимали известные русские богословы, религиозные мыслители, философы и церковные деятели нашей диаспоры на Западе, прежде всего из парижской группы Свято–Сергиевского Богословского Института и Владимирской семинарии в Америке. Особенно выделялся на этом поприще о. Георгий Флоровский, который был одним из ведущих православных богословов в ВСЦ, и особенно в «Вере и церковном устройстве».

В нашем Отечестве продолжалось начатое в октябре 1917 года время

исповедания Христа страданиями, жизнью, а для многих и многих тысяч время свидетельства «кровью». Как сказано в пророчестве: «Мы все от руки Господней приняли вдвое за все грехи свои» (Ис. 40, 2).

Общеизвестно, что Русская Церковь была достаточно лояльна по отношению к советской власти. И тем не менее она пострадала больше других религий и исповеданий в нашей стране.

В сентябре 1939 года началась вторая мировая война, а в июне 1941 года немецкие войска вторглись на территорию Советского Союза. В первый день войны, 22 июня, Предстоятель Русской Православной Церкви Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский Сергей обратился с призывом ко всем чадам своей Церкви встать на защиту Родины и освободить ее от нашествия фашистских поработителей. Церковь стала мощным фактором в деле пробуждения православно-национального самосознания в народе, мобилизации и организации всех его сил для защиты и конечной победы над агрессором. И во всемирном значении этой победы и освобождении Европы от нацистской оккупации и угрозы есть большая доля моральной силы и национального самопожертвования Русской Церкви.

4 сентября 1943 года по инициативе Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина состоялась его встреча с митрополитом Московским и Коломенским Сергием, Патриаршим Местоблюстителем, митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Симанским) и митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), Экзархом Украины. Эта встреча явилась официальным признанием советским руководством места Русской Православной Церкви в государстве, положила начало восстановлению ее жизнедеятельности после четверти века существования в условиях открытого и повсеместного гонения. С полным основанием можно утверждать, что эта встреча сказалась самым благоприятным образом и на внутренней жизни Русской Православной Церкви, на ее положении в обществе и на состоянии самого общества – несмотря и во многом вопреки господствующей в стране марксистско-ленинской идеологии.

8 сентября 1943 года в Москве имел место Собор архиереев Русской Православной Церкви, избравший Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. 12 сентября в Богоявленском кафедральном Соборе произошла интронизация новоизбранного Первосвященителя.

Святейший Патриарх Сергей без промедления приступил к воссозданию церковной структуры, возрождению приходской, монастырской и епархиальной жизни, богословского образования и к восстановлению братских связей со всеми Поместными Православными Церквами и взаимоотношений с инославными Церквами и религиозными объединениями.

Волею Божией 15 мая 1944 года Святейший Патриарх Сергей скончался на 78-м году своей жизни. Местоблюстителем Патриаршего Престола стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, который и был избран Поместным Собором Русской Православной Церкви в феврале 1945 года Патриархом Московским и всея Руси. В Соборе участвовали Предстоятели и представители всех Поместных Православных Церквей, за исключением Кипрской и Элладской. Константинопольскую Церковь представлял архиепископ Фиатирский Герман, член «Предварительного Комитета Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки».

Вторая мировая война закончилась военной победой нашего и союзных народов и армий. Вместе с тем последующий период превратился в своего рода «соревнование» сверхдержав-победительниц, именуемое «холодной войной» (на грани угрозы перехода в «горячую войну» – третью мировую войну) между идеологическими и политическими блоками НАТО и Варшавского Договора.

В результате победы Советского Союза и его западных союзников во второй мировой войне возникли предпосылки для создания Организации Объединенных Наций и открылись возможности для развития и организационного оформления экуменического движения, историческим инструментом которого стал Всемирный Совет Церквей (1948). Но это уже происходило без участия нашей Церкви.

Всемирный Совет Церквей возник в результате слияния трех ранее самостоятельных экуменических движений: «Вера и церковное устройство», «Жизнь и деятельность», а также «Всемирный альянс для содействия международной дружбе при посредстве Церквей», возникший в 1914 году.

Движение «Вера и церковное устройство» является первоначальным и основополагающим для всего экуменического движения. Возникло оно после Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге в 1910 году. Главнейшими его основоположниками были Американские Церкви и три выдающихся экуменических деятеля начала XX века – методист Джон Мотт, основатель «Всемирной студенческой христианской федерации»; епископ Чарльз Брент, Епископальная Церковь Америки, и юрист Роберт Гардинер.

Подготовительная конференция по созыву 1-й всемирной конференции «Вера и церковное устройство» состоялась в Женеве в 1920 году. Конференция получила благословение Святейшего Патриарха Тихона на ее труды; в ней участвовал от Русской Православной Церкви архиепископ Евлогий (Георгиевский).

Между первой и второй мировыми войнами «Вера и церковное устройство» провела две всемирные конференции: в 1927 году в Лозанне и в 1937 году в Эдинбурге. В их работе очень активно участвовали русские богословы, жившие за рубежом нашей Родины.

Движение «Жизнь и деятельность» возникло в период первой мировой войны и в годы непосредственно после нее. Главным его вдохновителем был архиепископ Упсалы Натан Седерблом, примас Церкви Швеции, ближайшим другом и вдохновителем которого был проф. Н. Н. Глубоковский. Первая всемирная конференция «Жизнь и деятельность» состоялась в Стокгольме в 1925 году, вторая – в Оксфорде в 1937 году. В их работе принимали участие также русские зарубежные богословы.

«Всемирный альянс для содействия международной дружбе при посредстве Церквей» явился движением в защиту мира и сотрудничества между народами после ужасов первой мировой войны. Главнейшими его основателями и лидерами были немецкий богослов профессор Фридрих Зигмунд-Шульце и епископ Вальдемар Аммундсен (Церковь Дании). Первая послевоенная конференция Всемирного альянса была в 1919 году в Гааге. Кульминацией деятельности этой организации была ее крупнейшая конференция в 1929 году в Праге. Перед второй мировой войной состоялась последняя конференция в Ларвике (Норвегия) в 1938 году. С началом второй мировой войны Всемирный альянс распался. Впоследствии, в августе 1946 года, в Кембридже на конференции религиозных деятелей, занимающихся в сфере международных отношений, миротворческие силы Церквей на Западе объединились в созданной ими Комиссии Церквей по Международным Делах, вошедшей в структуру Всемирного Совета Церквей на ее I Ассамблее в 1948 году. Эта Комиссия, и прежде всего, ее первый директор – д-р Фредерик Нольде, внесла исключительный в полном смысле этого слова вклад в разработку проекта Всеобщей декларации прав человека, включая вопросы, связанные с религиозной свободой, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1948 году.

Накануне второй мировой войны все три указанных экуменических движения образовали в мае 1938 года на конференции в Утрехте (Нидерланды) «Предварительный Комитет Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки». Генеральным Секретарем этого Комитета был избран д-р В. А. Виссерт Хуфт (Нидерланды).

В связи с началом второй мировой войны, Всемирный Совет Церквей оставался в стадии формирования десять лет. Только в августе–сентябре 1948 года на I Ассамблее в Амстердаме ВСЦ получил свои организационные формы и бытие. Был избран Центральный Комитет Всемирного Совета Церквей, который затем избрал свой Исполнительный комитет. Внутри Совета сохранилась автономия трех прежних движений в форме комиссий: комиссия «Вера и церковное устройство», комиссия «Всемирная Миссия и Евангелизация», комиссия Церквей по международным делам. Генеральным Секретарем ВСЦ был избран д-р В. А. Виссерт Хуфт (Нидерланды).

Что же касается позиции Русской Православной Церкви, то хорошо засвидетельствовано наше активное участие в зарождении и дальнейшем развитии экуменического движения, и не подлежит никакому сомнению, что

наша Церковь была бы участницей и членом движения во всех его формах (в «Вере и церковном устройстве», в «Жизни и деятельности», во «Всемирном альянсе для содействия международной дружбе при посредстве Церквей») и, конечно же, вполне логично было бы ее участие в 1948 году в Ассамблее в Амстердаме и вхождение во Всемирный Совет Церквей.

Новая общественно–патриотическая роль Русской Православной Церкви и моральная сила ее влияния на народ в военное время, сделавшая Церковь соучастницей в конечной победе над нацистской агрессией, были достойно оценены советским правительством и советской общественностью, а также западной стороной.

Уже в сентябре 1943 года в Москву из Лондона прибыла делегация Церкви Англии во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом; в июне 1945 года митрополит Николай во главе делегации Русской Православной Церкви посетил Лондон с ответным визитом. Он встретился там с д–ром В. А. Виссерт Хуфтом, имел с ним обстоятельную беседу об экуменизме и об отношении Русской Православной Церкви к формирующемуся Всемирному Совету Церквей. Владыка Николай встречался в Лондоне и беседовал с архиепископом Фиатирским Германом.

В мае 1945 года Святейший Патриарх Алексий I вместе с митрополитом Николаем и другими представителями Русской Церкви нанес ответные визиты Восточным Патриархам, посетил Дамаск, Бейрут, Иерусалим, Каир и совершил паломничество по Святой Земле.

В феврале 1946 года Священный Синод Русской Православной Церкви образовал Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС), первым Председателем которого стал митрополит Крутицкий Николай. В сферу деятельности Отдела были включены связи Русской Церкви с Поместными Православными Церквами, с инославными Церквами и объединениями, международными христианскими организациями.

В апреле 1946 году президенты «Предварительного комитета Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки» обратились к Святейшему Патриарху Алексию с предложением, принятым на заседании их Предварительного Комитета в Женеве в феврале 1946 году, о проведении осенью 1946 году в Праге или другом месте встречи для представления Русской Православной Церкви и обсуждения основ, целей и намечаемой деятельности создаваемого ВСЦ. Митрополит Николай телеграфировал о согласии с этим предложением. ВСЦ назначил представительную делегацию из восьми видных экуменических деятелей. Руководителем делегации Русской Церкви был определен владыка митрополит Николай.

В августе 1946 года митрополит Николай, находясь в Париже, встретился с профессором Сергиевского Института Львом Зандером, видным экуменическим деятелем, и имел с ним долгую всеобъемлющую и

положительную беседу по вопросам экуменизма и создания ВСЦ.

В октябре 1946 года митрополит Николай обратился к одному из Президентов ВСЦ в процессе подготовки – пастору Марку Бэгнеру с просьбой о присылке в Московскую Патриархию материалов по экуменическому движению и ВСЦ, и заверил о наличии разрешения для таможи на получение этих отправок Патриархией. Кроме того, митрополит Николай обратился к пастору Бэгнеру с просьбой о приеме в Женеве и Париже на шесть недель двух членов ОВЦС – прот. Григория Разумовского и прот. Вениамина Платонова, профессора Московской духовной академии для изучения экуменического движения и планов предстоящей деятельности ВСЦ.

В конце октября 1946 году в Женеве была получена телеграмма от митрополита Николая о том, что запрошенные визы двум протоиереям в Москву все еще не поступили. В ВСЦ этим обстоятельством встревожились и обратились к швейцарским и французским властям, которые ответили, что запросы о них из Москвы не поступали. Ссылаясь на отсутствие виз и неготовность в связи с этим делегации Русской Православной Церкви к участию во встрече с делегацией ВСЦ в Праге, митрополит Николай письмом от 19 октября 1946 года предложил д-ру В. А. Виссерт Хуфту перенести ожидаемую встречу на 1947 год. В конце концов по независящим от Церкви обстоятельствам ни поездка двух протоиереев, ни встреча делегаций Русской Православной Церкви и Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки не состоялись.

Коснемся теперь влияния небогословских факторов на участие Русской Православной Церкви в создании Всемирного Совета Церквей. В марте 1946 года Уинстон Черчилль выступил в университете г. Фултона (США) с речью, ставшей официальным провозглашением «холодной войны». Последовал быстрый процесс политической поляризации мира, приведшей к созданию в апреле 1949 года военно-политического союза стран Запада – НАТО. Поляризация затронула и церковные сферы. Наглядным примером этого является деятельность видного представителя руководства Пресвитерианской Церкви в США Джона Фостера Даллеса. Следует иметь в виду, что Пресвитерианская Церковь в США традиционно является одним из лидеров национального и международного экуменического движения. Именно Д. Ф. Даллес внес в работу I Ассамблеи ВСЦ, проходившей в августе – сентябре 1948 года в Амстердаме, дух и идеологию «холодной войны». На этой Ассамблее имела место острая дискуссия между Д. Ф. Даллесом и д-ром Иосифом Громадкой (Чехословакия), видным реформатским богословом и социологом, по позиции христианина к реальностям «холодной войны». Известно, что в период пребывания Д. Ф. Даллеса на посту Государственного Секретаря США (1953 – 1959) именно он был вдохновителем политики «с позиции силы» и «балансирования на грани войны».

Политические осложнения постепенно начали сказываться и на внешней деятельности Русской Православной Церкви.

Переписка митрополита Николая и д-ра В. А. Виссерт Хуфта продолжалась. В Патриархию поступали материалы подготовки I Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Амстердаме. Характерно для того времени, что письмо д-ра В. А. Виссерт Хуфта от 20 февраля 1948 года с приглашением делегации Русской Православной Церкви для участия в Амстердамской Ассамблее в Патриархию так и не поступило.

Вместе с тем уже с конца 1946 года в Патриархии в Москве готовились к празднованию 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, установившейся в 1448 году – времени начала самостоятельного избрания Собором иерархов нашей Церкви ее Первосвященителей и их поставления на кафедру Московскую и всея Руси. Это празднование должно было послужить укреплению братских взаимоотношений Поместных Православных Церквей и восстановлению древней традиции поддержки Русской Православной Церковью жизни Православной Полноты.

Поскольку в результате интенсивного взаимообщения Поместных Православных Церквей, происходившего в первые послевоенные годы посредством обмена делегациями и переписки, определились насущные для Православной Полноты вопросы, у священноначалия Русской Православной Церкви созрела мысль о проведении в Москве в связи с празднованием 500-летия автокефалии Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей. Об этом Святейший Патриарх Алексий I сообщил всем Предстоятелям Поместных Православных Церквей и получил поддержку большинства из них.

В торжествах 1948 года участвовали представители Константинопольской, Антиохийской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Элладской, Албанской, Польской Поместных Православных Церквей. Делегация Антиохийской Церкви представляла и Церковь Александрийскую. В праздновании 500-летия автокефалии и в Совещании участвовал почетный гость Святейший Верховный Патриарх и Католикос всех армян Георг VI.

Святейший Патриарх Константинопольский Максим отклонил приглашение участвовать в Совещании, аргументировав свою позицию отступлением Русской Православной Церкви от традиции претворения в жизнь подобной важной инициативы через Константинопольский Патриархат. Эту позицию разделил Блаженнейший Архиепископ Афинский Дамаскин. Представители Иерусалимской и Кипрской Церквей в Москву не прибыли. Повестка дня Совещания была составлена соборно. Тему «Об отношении Православной Церкви к экуменическому движению» выдвинули Румынская, Болгарская и Русская Церкви. Доклады предоставили: от Румынской Церкви – профессор прот. Иоанн Коман, от Болгарской Церкви – Болгарский Экзарх Блаженнейший митрополит Софийский Стефан, от Русской Церкви – прот. Григорий Разумовский.

Заключение доклада профессора прот. Иоанна Комана имело положительные

Выводы:

«Представители Православия на экуменических конгрессах всегда держали себя с достоинством и неоднократно успевали проводить взгляды своей Церкви. Часто они препятствовали вынесению поспешных или ошибочных решений и не сделали ни одной догматической или литургической уступки.

Следует отметить серьезное и честное решающее сотрудничество русских представителей. Участие православных делегатов в этом движении, преследующем объединение Церквей, вполне соответствует истинным традициям Православия, начиная со времени Спасителя, апостолов и святых отцов Церкви» (Деяния II, с. 61).

Заключение доклада Экзарха Блаженнейшего митрополита Стефана констатирует:

«а) Болгарская Православная Церковь в продолжение многих лет участвовала в экуменическом движении... Это она делала с полным убеждением, что исполняет свой высший евангельский долг: «Да вси едино будем»;

б) однако в последнее время Болгарская Церковь была смущена внушениями, что экуменическое движение после конца второй мировой войны не свободно от посторонних влияний с политической тенденцией;

в) эти неожиданные сообщения заставили Св. Синод... сохраняя принципиальное положительное отношение к христианскому экуменизму... воздержаться от дальнейшего участия в экуменическом движении до тех пор, пока не будет создано твердое и ясное убеждение, что оно чуждо политическим инициативам и свободно от всяких влияний» (Деяния, II, с. 86).

Заключение доклада прот. Г. Разумовского было отрицательное: «Русская Церковь не может согласиться на участие в экуменическом движении в той его установке, которая имеет место после 1937 года и теперь, так как убеждается:

а) в близком сродстве экуменической деятельности с другими современными нам нецерковными, политическими иногда тайными международными движениями;

б) наша Церковь не хочет, не может и не должна быть под влиянием нецерковных организаций; мы будем оберегать свою духовную свободу как неоценимое сокровище;

в) есть много материалов для доказательства участия в экуменическом движении франкмасонства.»

Доклад прот. Г. Разумовского заканчивался особым призывом к православному миру:

«Русская Православная Церковь призывает ко всем прочим Православным Церквам, ко всем русским зарубежным епархиям, а также и к отдельным иерархам и священнослужителям, вне зависимости от современной юрисдикции или самоуправления... последовать ее примеру и отказаться от участия в нем» (т. е. экуменическом движении) (Деяния, II, с. 194 – 195).

Несомненно, что на позицию участников Совещания, как она выразилась в резолюции по экуменическому вопросу, решающим образом повлияли внешние, политические, нецерковные факторы, определившие приоритет антиэкуменической позиции, в большой степени опиравшейся на искаженное представление обсуждавшейся проблемы.

Резолюция об экуменическом движении отражала позицию, изложенную прот. Г. Разумовским:

«Сообщить Всемирному Совету Церквей в ответ на полученное всеми нами приглашение... что все Поместные Православные Церкви – участники настоящего Совещания принуждены отказаться от участия в экуменическом движении в современном его плане» (Деяния, II, с. 436).

Следует иметь в виду, что решение Совещания по экуменическому вопросу было претворено в жизнь всеми Поместными Православными Церквами и Армянской Апостольской Церковью. К этому решению присоединилась и Иерусалимская Церковь.

В I Ассамблее ВСЦ в Амстердаме участвовали только Константинопольская и Элладская Православные Церкви.

Следует отметить, что в экуменическом движении в целом и деятельности Всемирного Совета Церквей продолжали активно участвовать русские богословы, интеллигенция, духовенство и иерархия русского зарубежья, группировавшиеся вокруг митрополита Евлогия и Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже.

Московское Совещание 1948 года не было окончательным разрывом и осуждением экуменического движения.

Решения Совещания имели условный и временный характер и несли в себе признаки этой вынужденной временности, продиктованной велением времени.

В резолюции отмечалось, что участники Совещания «принуждены отказаться от участия», т. е. что это может носить временный характер (Деяния, II, с. 436). И в завершающем разделе доклада прот. Г. Разумовского говорится, что «Русская Православная Церковь... не отказывается от дальнейшего контакта с исповеданиями, поддерживающими экуменическое движение, в целях личной и печатной информации о его деятельности. Она не теряет надежды на

светлое будущее, когда все христиане будут в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви» (Деяния, II, с. 194).

Так и было в действительности. Русская Православная Церковь через Отдел внешних церковных сношений внимательно следила за развитием и внутренней эволюцией Всемирного Совета Церквей, имела достаточную информацию от богословов и экуменических деятелей русского зарубежья, получала соответствующие экуменические документы и материалы и была в контакте и переписке по этому вопросу с Православными Церквями–Сестрами – членами ВСЦ.

Эти материалы и переписка хранятся в архиве Отдела внешних церковных сношений нашей Церкви. В них содержатся настойчивые призывы со стороны ВСЦ к положительному и объективному взгляду на сущность и цели экуменического движения и на значение участия в нем Православных Церквей, как живых свидетелей и исторических продолжателей Апостольского Свято–Отечественного Предания Древней Церкви эпохи Вселенских Соборов.

Немало способствовала этому и положительная эволюция Всемирного Совета Церквей от прежней протестантской односторонности, справедливо подвергнутой критике в материалах Московского Совещания 1948 года, в сторону уважения целостности и неприкосновенности догматических и экклесиологических основ и условий участия в деятельности ВСЦ Православных Церквей и их понимания требований и критериев для христианского единства.

Гарантией этого и основополагающей хартией для дальнейшего участия Православных Церквей в экуменическом движении стала Торонтская декларация 1950 года. Декларация была в основном составлена и отредактирована православными участниками заседания Центрального Комитета ВСЦ в Торонто (Канада). Среди них были такие известные православные богословы и экуменические деятели, как прот. Георгий Флоровский, митрополит Фиатирский Герман (Константинопольский Патриархат), проф. Г. Аливизатос (Церковь Греции) и др. Декларацию «Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей» приняли все Церкви – члены ВСЦ как основополагающий документ экуменического движения.

В тексте документа ясно и четко заявлено, что Всемирный Совет Церквей не является Церковью и никогда не станет «Сверх–Церковью» (т. е. структурой над Церквями–членами). Совет не имеет никакой власти в отношении Церквей–членов, не имеет права и не может давать указания Церквам или действовать от их имени.

Церкви вполне суверенны и имеют право не принять и отвергнуть любое «высказывание» или заявление Всемирного Совета Церквей. Совет не имеет никакого авторитета сам по себе в отношении Церквей–членов. Весь авторитет Совета зависит от свободного принятия его действий Церквями,

если они найдут это правильным и полезным для себя.

Не являясь Церковью, а лишь форумом, призванным служить Церквам в их взаимных отношениях, Совет не имеет и не может иметь своей экклезиологии, не может руководствоваться или отдавать предпочтение какой-нибудь одной определенной экклезиологии.

Членство во Всемирном Совете Церквей ни в чем не может ущемлять или наносить ущерб полноте догматического вероучения Церквей–членов или их экклезиологическому самосознанию и каноническому устройству.

Всемирный Совет Церквей не может быть инструментом какого-либо одного вероисповедания или какого-либо одного конфессионального богословского направления и школы.

Членство во Всемирном Совете Церквей не означает и не обязывает признавать другие Церкви Церквами в собственном (полном) смысле этого слова, однако Церкви–члены должны уважать друг друга, помогать друг другу и воздерживаться от действий, наносящих ущерб другим Церквам–членам.

На практике это означало осуждение и обязательство отказа от прозелитизма (от чего особенно страдали и страдают Православные Церкви).

Русская Церковь с удовлетворением восприняла гарантии, данные Православным в Торонтской декларации, ибо это был значительный шаг со стороны Всемирного Совета Церквей в сторону нашей Церкви (в ответ на критику и озабоченность Московского Совещания 1948 года).

Дальнейшая эволюция Совета привела к конструктивным усилиям ВСЦ изменить одностороннее прозападное направление его деятельности и стараться сохранять более сбалансированное и объективное отношение между Западом и Востоком.

В богословском плане Всемирный Совет Церквей стал уделять значительно больше внимания проблемам «Веры и церковного устройства», в частности разработке нового Базиса и более ясного определения единства Церкви в вере и в основах канонического устройства.

Такая внутренняя эволюция развивалась в направлении усиления элементов кафоличности и церковности. Это нашло свое выражение на заседаниях Центрального Комитета на Родосе в 1958 году и в Сент–Эндрюсе в 1960 году, на которых уже присутствовали наблюдатели от нашей Церкви.

Заявление о единстве в вере и основах канонического устройства, как главная цель Всемирного Совета Церквей, принятое в Сент–Эндрюсе, было большим шагом в сторону православного понимания единства в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Это заявление было принято всеми

Церквами – членами ВСЦ.

Ранее, в декабре 1959 года наша Церковь, еще не будучи членом Совета, во время визита к нам Генерального Секретаря ВСЦ д-ра Виссера Хуфта, достигла соглашения с ним об изменении первоначального христологического Базиса ВСЦ и выработке нового, более совершенного.

Эта эволюция ВСЦ встретила одобрение и поддержку у Православных Церквей – членов ВСЦ и помогла нашей Церкви пересмотреть навязанные нам «холодной войной» решения Совещания 1948 года, особенно пред лицом новых надвигающихся событий во внутренней жизни нашей страны, требующей укрепления всеправославного единства и всехристианской солидарности и помощи для защиты Церквей.

После смерти И. В. Сталина (1953), во второй половине 50-х годов, когда руководителем страны был Н. С. Хрущев, положение Церкви в СССР сильно ухудшилось. Русская Православная Церковь вновь оказалась в плену идеологических и репрессивных органов советской власти. Компартия считала Русскую Православную Церковь главной принципиальной опасностью для успеха в строительстве коммунизма, ибо сознавала веками накопившуюся внутреннюю моральную и духовную силу Церкви, проявившуюся во время Великой Отечественной войны. Хрущевское преследование Церкви проходило с большим размахом. Было закрыто более половины приходских храмов, большая часть монастырей и духовных школ. Но внешне поработанная Церковь устояла и внутренне оказалась неповрежденной, готовой снова возродиться при благоприятном развитии своего исторического пути.

Приход к власти Н. С. Хрущева привел к значительному изменению внешней политики. Были открыты большие возможности для взаимосвязей нашей страны со всеми государствами мира, в том числе и в общественной сфере. Для государственного руководства СССР было полезным развитие братских отношений Русской Православной Церкви и других Церквей и религиозных объединений Советского Союза с зарубежными Церквами и религиозными объединениями, ибо это способствовало преодолению представления о нашей стране как цитадели агрессивного коммунизма, угрожающего гибелью всему западному миру. Это обстоятельство позволило руководству Русской Православной Церкви в 50-х и начале 60-х годов максимально развить двусторонние братские отношения со многими инославными Церквами преимущественно стран Европы и Северной Америки, со многими национальными и региональными Советами Церквей.

Исключительно интенсивный характер в эти годы имели обмены церковными делегациями. Были продолжены богословские дискуссии с Церковью Англии и Епископальной Церковью в США, прерванные первой мировой войной.

Начаты двусторонние богословские дискуссии с Евангелической Церковью в Германии, продолжающиеся и до сего дня. Была осуществлена многолетняя

духовная акция примирения между народами нашей страны и немецким народом.

Русская Православная Церковь участвовала с 1958 года в создании Христианской Мирной Конференции.

В 1959 году наша Церковь стала одной из основательниц Конференции Европейских Церквей (КЕЦ) значение деятельности которой для нашей Церкви и других Церквей Европы невозможно переоценить. Достаточно сказать, что КЕЦ была инициатором Хельсинкского процесса.

В этой обстановке совершенно естественно было вернуться к рассмотрению вопроса о вступлении нашей Церкви в ВСЦ. Это рассмотрение проходило в братском контакте с Церквами, участвовавшими в Совещании 1948 году в Москве. К 1958 году практически определилась положительная позиция нашей Церкви к участию в его III Ассамблее в Нью-Дели в 1961 году и, следовательно, к вступлению в члены ВСЦ.

В связи с этим в августе 1958 году в Утрехте (Нидерланды) состоялась встреча делегации Русской Православной Церкви с делегацией Всемирного Совета Церквей. От Русской Православной Церкви участвовали: митрополит Николай, председатель Отдела внешних церковных сношений; епископ Смоленский Михаил (Чуб), заместитель Председателя ОВЦС; А. С. Буевский, секретарь ОВЦС. От Всемирного Совета Церквей – председатель ЦК ВСЦ д-р Франклин Кларк Фрай; д-р В. А. Виссерт Хуфт, Генеральный Секретарь ВСЦ, и митрополит Мелитский Иаков, представитель Константинопольского Патриархата при ВСЦ.

Во время переговоров о сближении митрополит Николай отметил, что «соприкосновение западных христиан с церковной жизнью Православия оказало на многих неизгладимое впечатление» (ЖМП. 1958. № 8. С. 30). Этим митрополит Николай подчеркнул, что Русская Православная Церковь видит основной смысл сближения и участия в экуменическом движении в экуменическом «православном свидетельстве», устанавливая этим историческую связь наметившегося сближения с «православным экуменизмом» нашей Церкви в XIX – начале XX века в духе Святейшего Патриарха Тихона и Постановлений Московского Собора 1917 – 1918 годов. Встреча увенчалась успехом к глубокому удовлетворению обеих сторон.

В марте 1959 года для изучения деятельности и структуры Всемирного Совета Церквей в Женеву был направлен прот. Виталий Боровой. Возвратившись в Москву, он представил доклад о поездке в ВСЦ положительного характера.

В августе того же года Русская Православная Церковь направила своего официального наблюдателя на заседание ЦК ВСЦ на о-ве Родос прот. В. Борового.

В декабре 1959 году в Москву прибыла первая официальная делегация ВСЦ во главе с Генеральным Секретарем д-ром В. А. Виссерт Хуфтом. Во время этого посещения проходили возглавляемые со стороны Русской Православной Церкви митрополитом Николаем интенсивные переговоры по различным вопросам, связанным с предстоящим вступлением Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей.

По предложению Русской Православной Церкви там же был выработан упомянутый выше проект нового тринитарного Базиса ВСЦ, более приемлемого для Поместных Православных Церквей.

В сентябре 1959 года Святейший Патриарх Алексий посетил Святейшего Патриарха Вселенского Афинагора в Константинополе, известного своей активной экуменической деятельностью, и в беседе с ним затронул вопросы участия Православных Церквей в деятельности ВСЦ.

В августе 1960 года Русская Православная Церковь направила на заседание ЦК ВСЦ и конференцию «Вера и церковное устройство» в Сент-Эндрюс (Шотландия) в качестве официальных наблюдателей прот. В. Борового, прот. В. Стойкова и проф. А. Ф. Шишкина.

В декабре 1959 года Святейший Патриарх Алексий и Священный Синод Русской Православной Церкви отлучили от Церкви вероотступника проф. А. Осипова и др., публично поносивших Церковь и отрекшихся от веры.

В феврале 1960 года Святейший Патриарх Алексий произнес свою знаменитую речь в защиту гонимой Русской Православной Церкви на Всесоюзной конференции советской общественности за разоружение, проходившей в Кремлевском театре в Москве. Речь была подготовлена митрополитом Николаем. Возбуждение против Святейшего Патриарха Алексия и митрополита Николая (и вообще против Русской Православной Церкви) в правительстве и партийном руководстве было огромное.

21 июня 1960 года владыка Николай был освобожден от должности председателя Отдела внешних церковных сношений. На этот пост был назначен архимандрит Никодим (Ротов), заместитель председателя Отдела с возведением в сан епископа Подольского. 13 декабря 1961 года митрополит Николай скончался.

В ноябре 1960 года епископ Никодим и А. С. Буевский встретились в Женеве с д-ром Виссерт Хуфтом для подготовки вступления нашей Церкви в ВСЦ.

В начале марта 1961 года в Женеву вновь прибыл владыка Никодим в сопровождении прот. В. Борового и А. С. Буевского для окончательного согласования с д-ром В. А. Виссерт Хуфтом вопросов вступления Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей.

30 марта 1961 года Священный Синод Русской Православной Церкви обсудил предложение владыки Никодима о членстве нашей Церкви во Всемирном Совете Церквей и поддержал его.

Наконец, этот вопрос стал предметом обсуждения в июле 1961 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Собор одобрил предложение Священного Синода и принял решение о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей.

Это долгожданное событие происходило 6 и 7 декабря 1961 года на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели, когда наша Церковь вернулась в организованное экуменическое движение, став членом ВСЦ.

Следуя нашему примеру, установили свое членство в ВСЦ и другие Православные Церкви – участницы Совещания 1948 года.

Начался новый период участия всех Поместных Православных Церквей – членов ВСЦ в общих христианских усилиях и поисках путей к восстановлению единства разделенного христианства, которое Православная Полнота видит в возвращении к вере и церковному устройству Неразделенной Церкви первого тысячелетия.

Членство в ВСЦ и сотрудничество со всем христианским миром давали Русской Православной Церкви уверенность в солидарности и поддержке нас всемирным экуменическим движением христианских Церквей.

Став членом ВСЦ, Русская Православная Церковь активно включилась в его деятельность в объеме обширнейших программ Всемирного Совета.

Вместе с тем экуменическая деятельность нашей Церкви проводилась и проходила в те годы под постоянным внешним контролем со стороны Советского государства (Совета по делам религий и других правительственных органов).

Это часто приводило к компрометации Церкви внутри страны и в глазах зарубежного общественного мнения. Многие не понимали подлинных целей и характера такого участия Русской Церкви в экуменическом движении, считая, что она выполняет там лишь указания советского правительства.

А между тем действительность была иная и более сложная, чем это казалось западным критикам со стороны и чем это могло казаться самому советскому руководству изнутри.

Церкви действительно приходилось идти на компромиссы и уступки в политических и общественных вопросах, но никогда и ни в чем – в вопросах веры, догматического учения и верности Христу и Евангелию.

Свидетельство этому – вся мартирология Церкви и ее молчаливое

исповедничество внутренних истин Православия, которые Церковь берегла и сохранила.

Всегда здесь наличествовала напряженность между политическим давлением и подлинными церковными интересами и соображениями и пользы самой Церкви, ее страждущего народа, чтобы выстоять под разрушительным давлением тоталитарной системы, контролирующей всю страну, всех и вся, в том числе и Церковь. И особенно Церковь, как чуждое правящей системе тело и как основное препятствие для конечного торжества коммунистической идеологии.

Опыт нашего участия в экуменическом движении, членства во ВСЦ и в других международных экуменических организациях и объединениях, несомненно, имел для нашей Церкви положительное значение и соответствовал основным интересам Церкви и ее верующего народа.

Имея в виду трудный и сложный путь в ВСЦ, можно уже сделать оценку нашего опыта в экуменическом сообществе на основании конкретных данных.

Теперь можно утверждать, что решение нашей Церкви в 1948 году об отклонении приглашения к участию в Ассамблее ВСЦ в Амстердаме и решение в 1961 году о вступлении в ВСЦ были правильными решениями, продиктованными обстоятельствами того времени и заботой о благе нашей Церкви, и в обоих случаях эти решения были полезны и необходимы для нашей Церкви и ее верующего народа.

Оценивая наше 35-летнее членство в ВСЦ, можно твердо заявить: имеются все основания для утверждения, что достижениями нашего участия и православного свидетельства в ВСЦ являются по крайней мере новый Базис ВСЦ, Заявление в Нью-Дели о единстве и Торонтская декларация, Лимские документы ВСЦ о крещении, Евхаристии и Священстве.

Во время визита к нам Генерального Секретаря ВСЦ д-ра В. А. Виссерт Хуфта в 1959 году мы достигли соглашения об изменении предыдущего Базиса ВСЦ и выработали с ним новый (Тринитарный) Базис, более приемлемый для православных. Этот новый Базис, как и новое заявление о единстве, был принят на Ассамблее в Нью-Дели в 1961 году в связи с нашим вступлением в ВСЦ.

Заявление в Нью-Дели о единстве и основах канонического устройства как основной цели ВСЦ было большим шагом в сторону православного понимания единства в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

После Торонтской декларации эволюция ВСЦ пошла в направлении усиления элементов кафоличности и церковности, что нашло свое выражение в документах «Веры и церковного устройства» «О крещении, Евхаристии и Священстве». Это так называемые Лимские заявления 1982 года о степени

взаимопонимания по важнейшим для христианского единства таинствам.

Ни один экуменический документ не имел такого успеха, как Лимское заявление. Одних только официальных ответов и заявлений Церквей всего мира, включая Католическую Церковь, издано шесть больших томов.

Вот основные элементы достигнутых соглашений. Это признание законности и действительности детского и взрослого крещения, а значит, осуждение практики перекрещивания в случаях только детского крещения. Это признание Евхаристии Таинством Тела и Крови Господней; признание реального присутствия Христа в Евхаристии; признание жертвенного характера Евхаристии; необходимости эпиклезы (призывания Духа Святого); призыв к частому и регулярному причащению; призыв к благоговейному отношению (потреблению) Святых Даров после причастия (как Тела и Крови Христовой); признание рукоположения как сакраментального акта; признание трехстепенного священства (диакон, священник, епископ); признание необходимости «епископе» (епископата) для каждой Церкви; признание ценности и необходимости апостольского преемства.

Однако по вопросу о священстве, особенно об апостольском преемстве, нет еще консенсуса, а без достижения единства в вере, учении и канонических основах относительно таинства священства не может быть и речи о евхаристическом общении и о воссоединении всех христиан в Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Предстоит еще очень трудная задача упорного и терпеливого продолжения православного свидетельства об истинах.

Несомненным успехом для православного свидетельства в ВСЦ явилась всемирная конференция «Вера и церковное устройство» 1993 года в Сантьяго (Испания). Решения конференции о необходимости сосредоточиться на вопросах экклезиологии, исповедания апостольской веры, на обязательности для всех Никео-Цареградского Символа веры (без «Филиокве»), на единстве в понимании Апостольского Предания и Апостольского преемства, на вопросах об авторитете Церкви, первенстве в служении единству, на необходимости осуждения всякого прозелитизма (во всех его видах) встретили одобрение Православных Церквей и могут рассматриваться как определенный результат православного участия и православного свидетельства в ВСЦ.

Нынешние новые процессы внутреннего развития и внешней эволюции ВСЦ дают основание для нашей озабоченности и беспокойства и ставят перед нами вопрос о возможном пересмотре нашей оценки и нашего отношения к экуменическому движению и к ВСЦ.

Опасностью для будущего ВСЦ в настоящее время является тенденция к расширению экуменизма, вбирающего в себя все новые и новые течения и направления многочисленных межхристианских, межрелигиозных, а также

общественных движений и групп с их общечеловеческими интересами и с их специфическими вопросами и программами, что может привести к отклонению ВСЦ от его основного призвания – быть Советом Церквей – и превратить его в параллельную с ООН международную христианскую организацию, где приоритетами станут вопросы социальной справедливости, идеалы общечеловеческого единства, построение нового общества на основе справедливости, мира и целостности творения, а вопросы достижения единства в вере невольно могут отойти в тень и быть отодвинуты в сторону.

Опасностью для экуменического движения является и стремление некоторых его участников превратить экуменическое движение христианских церквей, стремящихся к восстановлению христианского единства, в межрелигиозное движение христиан, иудеев, мусульман, буддистов и других нехристианских религий для достижения религиозного взаимопонимания и разрешения общечеловеческих глобальных вопросов и задач во всем мире. Это может быть чревато опасностью синкретизма, эклектизма и размывания христианской исключительности Божественного откровения и исключительности спасения в Церкви и через Церковь Иисуса Христа.

Диалог с людьми других религий необходим для достижения мирного сосуществования религий и для совместного сотрудничества в области прав человека, справедливости, мира, примирения, сохранения целостности творения и по многим другим общечеловеческим вопросам, но нельзя превращать эти диалоги и сотрудничество во вторую «экумену», заслоняющую собой исторически и доктринально христианское экуменическое движение, возникшее с целью восстановления единства христиан в вере и основах церковного устройства.

Всеми новыми и очень неоднозначными вопросами в намечающихся тенденциях современного развития и эволюции ВСЦ интенсивно занимаются сейчас все Церкви – члены ВСЦ и все участники Всехристианского экуменического движения (в том числе и особенно – Римско-Католическая Церковь), обсуждая основную сейчас для будущего ВСЦ и всего экуменического движения тему – «Общее понимание и новое видение ВСЦ».

Результаты обсуждения этой темы исключительно важны для Православных Церквей и решения о их дальнейшем отношении к ВСЦ, их членству в ВСЦ и участию в экуменическом движении.

В 1995 году в Женеве (в Шамбези) эти вопросы обсуждались на Всеправославном Совещании, в котором участвовали все Поместные Православные Церкви, а в 1996 году – на Всеправославном Совещании в Бейруте.

Однако эти обсуждения и совещания независимо от их критических или положительных оценок и результатов относительно будущего ВСЦ не дают право закрывать глаза на то положительное и хорошее, что связано с нашим

членством в ВСЦ и нашим участием в экуменическом движении, в его прошлом, настоящем и его предполагаемом будущем. Об этом следует сказать особо.

Важной стороной нашего участия в экуменическом движении является экуменическая солидарность в христианской диаконии и служении нуждам страждущих, обремененных и угнетенных; солидарность в совместной защите прав человека, солидарность в защите справедливости, мира, экологии и целостности творения; в содействии экономическому и социальному благосостоянию развивающихся и нуждающихся стран и народов; солидарность в межцерковной помощи Церквам, нуждающимся в помощи, в помощи беженцам, мигрантам и преследуемым этническим группам и национальным меньшинствам.

Мы должны здесь засвидетельствовать, что страны третьего мира и все Поместные Православные Церкви ощущают свое участие в этой совместной общехристианской, экуменической солидарности, братской помощи и диаконии как общее достижение на путях к христианскому единству, христианскому свидетельству, христианскому служению и христианскому братству.

Опыт такого участия Православных Церквей в экуменическом движении и их членства в ВСЦ и КЕЦ, несомненно, имел и имеет для Православия и православного свидетельства о вере и Предании Древней Единой Церкви положительное значение и соответствует основным интересам Православных Церквей и их многострадальных народов, о чем Православные Церкви неоднократно заявляли на своих Всеправославных Совещаниях, посвященных обсуждению принципиальных и текущих вопросов их отношений к экуменическому движению, начиная с Всеправославного Совещания в 1920 году в Женеве (что символично для нас, в гостинице «Россия»).

Таких Всеправославных Совещаний (уже после нашего вступления в ВСЦ в 1961 году) было несколько (последнее – в 1991 году). На этих Совещаниях всегда обсуждались положительные и отрицательные стороны православного участия в ВСЦ, и всегда они оканчивались решениями о необходимости усиления и продления православного присутствия и свидетельства в экуменическом движении.

Как уже говорилось в гл. XI, в августе 1920 года в Женеве проходила первая конференция «Вера и церковное устройство». Ее участники – представители всех Поместных Православных Церквей – перед началом заседания провели общеправославную встречу, на которой разработали единую позицию по вопросам программы конференции, которую и предложили на ней. После окончания работы конференции все ее участники были приглашены Русской Православной Церковью (архиепископом Евлогием) на Торжественное богослужение в праздник Преображения Господня в местный храм нашей Церкви. Председатель конференции епископ Чарльз Brent, закрывая ее,

сказал, обращаясь ко всем ее участникам из Америки и Европы: «Нам следует безотлагательно рассмотреть разумные и обоснованные предложения Православных Церквей, касающиеся сотрудничества и содружества («сообщества»).

Это было сказано два года спустя, после того как в сентябре 1918 года Всероссийский Собор принял решение о необходимости создания при Синоде нашей Церкви «Постоянной Комиссии (Отдела) по соединению Церквей». Теперь это Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата и Богословская Комиссия при Священном Синоде нашей Церкви.

Если бы Всероссийский Собор продолжил свою работу и отдел по соединению Церквей в Русской Православной Церкви был бы создан, то в августе 1920 года в Женеве конференция «Вера и церковное устройство» имела бы перед собою для «безотлагательного рассмотрения» разумные и обоснованные предложения этого нашего Отдела, «касающиеся сотрудничества и сообщества».

Теперь, спустя 75 лет, это уже наше дело и обязанность, как наследников и преемников тех архипастырей, пастырей и братьев, кто предлагал в 1918 году создать постоянную комиссию по соединению Церквей и тех, кто все же создали в 1946 году Отдел внешних церковных сношений, соборным разумом Богословской Комиссии представлять нашей Церкви, а через нее всему христианскому миру «разумные и обоснованные предложения», в чем да поможет нам Бог молитвами святых отцов и участников Всероссийского Собора 1917 – 1918 годов, а наипаче же предстательством и молитвами святого Председателя этого освященного Собора – Всероссийского Отца и Исповедника Церкви Божией – Патриарха Тихона.

30 января 1997 года.